

Сергей Константинович Дубинин

Противоречивое наследство

Мой старший брат и я в семье Дубининых — представители третьего поколения с высшим образованием. Наш дед, старый большевик, на момент революции был студентом. Отец в годы войны и послевоенные годы был освобождённым партийным работником, в середине 1960-х стал журналистом и даже возглавлял корреспондентскую сеть радио и телевидения. Последнее место его работы — Комитет народного контроля. Мать, ветеран войны, всю свою жизнь связала с системой высшего образования — завершила карьеру в Министерстве высшего образования РСФСР. Сам я окончил экономический факультет МГУ, где изучал экономику зарубежных стран, которая, как известно, резко отличалась от плановой советской. Два года был освобождённым секретарём комсомольской организации, в возрасте 22 лет вступил в КПСС.

На экономическом факультете в 1969 году, когда я стал студентом, царил свободный, вольный дух, бурно обсуждались новейшие экономические теории. Очень быстро выяснилось, что «либеральные» представления о социалистическом рынке не актуальны для советской системы хозяйства. Наступили времена отказа от реформ. Для нас, студентов, однако, сохранилась свобода знакомства с современной наукой, доступ к информации по мировому хозяйству был открыт. На нашем факультете в то время училось много людей, которые позже стали известными реформаторами советской экономики: Е. Т. Гайдар, А. Н. Шохин, С. В. Алексахенко, П. О. Авен, А. И. Потёмкин и др. Среди преподавателей тоже хватало вольнодумцев. Стоит вспомнить хотя бы С. С. Шаталина, Е. Г. Ясина, Н. Я. Петракова, Г. А. Егиазаряна и Г. Х. Попова. Пути этих незаурядных людей в дальнейшем сильно разошлись.

После окончания учёбы я остался на кафедре преподавать, а как научный работник занимался финансами США и стран ЕС. Защитил в 1990 году докторскую диссертацию на тему «Бюджетно-финансовое регулирование экономики и его воздействие на конкурентоспособность национального хозяйства капиталистических стран». Во время перестройки по примеру своих коллег часто публиковал в СМИ статьи по экономическим проблемам.

**Сергей Константинович
Дубинин**

1973–1977

Аспирант, ассистент экономического факультета МГУ

1977–1988

Старший преподаватель, доцент экономического факультета МГУ

1988–1991

Старший научный сотрудник, профессор экономического факультета МГУ

1991

Экономический эксперт аппарата президента СССР

1992–1993

Заместитель председателя Государственного комитета России по экономическому сотрудничеству с государствами — членами СНГ

1993–1994

Первый заместитель министра финансов России

1994

И.о. министра финансов России

1994–1995

Первый заместитель председателя правления коммерческого банка «Империал»

1995

Член правления ОАО «Газпром», финансовый директор

1995–1998

Председатель Центрального банка России

Особенно меня интересовала борьба с инфляцией. В одной из статей в журнале «Вопросы экономики», который тогда возглавлял Г.Х. Попов, я пришёл к выводу, что впереди нас ждёт период тяжёлой инфляции, однако ещё можно принять меры для её обуздания. Суть дела заключалась не только в традиционном дисбалансе потребительских товаров и личных доходов, а в дисбалансе предложения и спроса на деньги в экономике в целом, особенно в несбалансированности государственного бюджета. Сразу скажу: по убеждениям я не монетарист, но в период, когда в государстве на первый план выходят финансовые вопросы, проводить жёсткую монетаристскую политику жизненно необходимо.

В начале 1990 года я показал некоторые свои материалы Борису Фёдорову, с которым успел познакомиться на экономическом факультете; он тогда работал в ЦК КПСС. Борис предложил мне готовить свои материалы для экспертной группы М.С. Горбачёва. Мы стали изучать возможные варианты развития страны и довольно точно предсказали, что нас ожидает в конце 1991 года. Случившихся политических потрясений мы, конечно, не описали, но логику развития событий и их последствия в свой прогноз включили.

После этого некоторых участников нашей группы пригласили перейти на работу в аппарат президента СССР. Согласились далеко не все. Однако Е.Г. Ясин, который видел результаты работы, настойчиво советовал мне принять предложение, уверял, что эта работа как раз для меня. Я дал согласие.

Надо сказать, прогнозы, которые мы составляли, оказались невесёлыми. Надвигалась экономическая катастрофа. Поэтому мне захотелось что-то сделать, чтобы не допустить развала экономической и политической системы страны. Тем более мне был брошен вызов: «Если ты такой умный, иди и работай». Казалось, что революционного слома сложившегося уклада жизни ещё можно избежать.

Сергей Константинович Дубинин

1998–2001

Заместитель председателя правления ОАО «Газпром»

2001–2004

Заместитель председателя правления ОАО «РАО ЕЭС России»

2004–2008

Член правления, финансовый директор ОАО РАО «ЕЭС России»

2008 — наст. время

Член совета директоров ЗАО «ВТБ Капитал»

В то время я считал, что существовавшую в стране систему экономики надо было не разваливать до основания, а реформировать. Я был членом КПСС с 1972 года и был уверен, что и партию можно было спасти с помощью реформ, причём без больших социальных жертв и политических потрясений. Однако позже, когда события стали быстро развиваться по негативному сценарию, потребовались совсем другие рецепты. Мне кажется, их удалось найти в начале 1992 года.

Такие меры, как освобождение цен, либерализация экономики, назрели давно. Однако я считаю ошибкой, что, проводя реформы, не пообещали людям никакой компенсации в связи с обесценением их сбережений. Если бы каждый россиянин сразу, а не в 1996 году знал, что он получит на руки ощутимую сумму, не возникло бы в дальнейшем такого сильного социального напряжения. Впоследствии было несколько попыток частичной компенсации, деньги удалось выплатить ценой огромной нагрузки на бюджет. Продали большие запасы золота, серебра, Минфин перевёл деньги Сбербанку, а в ответ никто даже спасибо не сказал. Народ этих компенсаций просто не заметил. В политике всё надо делать вовремя.

В начале 1992 года меня назначили заместителем председателя Государственного комитета РФ по экономическому сотрудничеству с государствами — членами СНГ. Возглавлял его В. М. Машиц. В марте 1993 года предложили должность первого заместителя министра финансов, в январе 1994-го я стал исполняющим обязанности министра, а также вошёл в Комитет по оперативным вопросам при правительстве.

Трудное это было время. Помню, как весной 1993 года я входил в зал Верховного Совета РФ, поднимался на трибуну, чтобы объяснить, на что есть в федеральном бюджете деньги, а на что их однозначно не хватает, а из зала народные избранники кричали мне: «Мы вас будем вешать и расстреливать!» Мы пытались объяснить, что у Минфина таких денег нет. Нам говорили: «Берите в ЦБ! Кто вам мешает напечатать ещё». А о том, что это главная причина инфляции, никто не хотел слушать. Депутаты использовали любой вопрос как повод для политической борьбы против правительства и президента. Им надо было доказать, что они хорошие, дают деньги, а правительство плохое, эти деньги отбирает. Это, прямо скажу, вызывало сильные эмоции. Министр финансов Борис Фёдоров один раз сходил на заседание Верховного Совета, после чего стал посылать туда меня.

Одной из главных угроз, с которыми мне приходилось сталкиваться и в самом правительстве, был всё тот же популизм. Когда в начале 1990-х я работал в Минфине, обстановка на заседаниях правительства часто рас-

калялась до предела. Даже в первом правительстве Ельцина — Гайдара «молодые реформаторы» были в численном меньшинстве. В составе правительства Черномырдина все отраслевые министерства возглавляли опытные «красные директора». Их уважительно называли генералами. Финансовым и экономическим блоками в правительстве руководили сторонники реформ.

Аудитория на заседаниях была достаточно широкая, такова была практика тех лет. Велась прямая телевизионная трансляция для журналистов. Черномырдин все важные решения обсуждал предварительно досконально в узком составе специалистов и ответственных чиновников. Однако систематически любил собирать максимальное число людей — видимо, считал, что чем «представительнее» встреча, чем больше она напоминает партийно-хозяйственный актив, тем лучше, по его мнению, такие совещания информировали общество. Давали слово представителям регионов. Они поднимали достаточно непростые вопросы. На одном из совещаний я произнёс небольшой спич по поводу того, что мы урезали, урезаем и будем урезать расходную часть бюджета, чтобы сокращать дефицит бюджета, после чего моя фраза вошла в список «афоризмов» правительственных чиновников.

Я и сам понимал, что высказал эту фразу в запале, под давлением эмоций, но к тому времени мне до смерти надоело выслушивать бесконечные «плачи Ярославны» на тему предоставления дополнительных льгот, не подкреплённых сбором налогов.

Порой доходило до абсурда. Например, мы только что перечислили Чукотскому губернатору (ещё не Абрамовичу) достаточное количество денег на северный завоз. После этого он поднялся на трибуну и устроил истерику по поводу того, что в ближайшее время на Чукотке начнётся массовая гибель населения от голода и холода. Естественно, эту галиматью тут же показали по телевидению. «Как тебе не стыдно, — упрекал я его в кулуарах. — Мы же только что перечислили в твой регион огромные деньги». А он на голубом глазу оправдывался: «Я же должен был проинформировать широкую общественность о ситуации в регионе». Так что в начале 1990-х годов основным оружием большинства политиков была популистская демагогия. Все только и думали, как бы поднять себя в глазах народа, перевести стрелки на центральную власть и выбить для своего предприятия или региона дополнительные средства из бюджета страны.

Причины катастрофического положения в экономике следует искать в её советском периоде. Ещё в советское время, занимаясь исследовательской работой в университете, мы видели, что экономика страны встала. Если посчитать честно и непредвзято, то легко убедиться, что отрицательный экономический рост возник задолго до Горбачёва. Видимость благополучия создавали исключительно за счёт манипуляций с ценообразовани-

ем, ценовых накруток и регулярного повышения цен, якобы с учётом более высокого качества продукции, внутри межотраслевого баланса. Где-то повышали затраты — тем самым решали локальную задачу. Потом прокручивали через ценообразование — в Госплане и Госкомцен. В результате создавалась иллюзия 2–3% роста, причём даже не ВВП, а совокупного общественного продукта. Если же посчитать все показатели с дисконтами в сопоставимых ценах, то выяснится, что экономика остановилась в начале 1980-х годов и дальше уже не росла. Так что она в трудном положении была ещё при тяжелобольных генсеках ЦК КПСС.

Когда ругают и критикуют приватизацию 1990-х, говорят, что можно было подождать с приватизацией крупной промышленности, я всегда привожу в качестве примера ситуацию с нефтяниками, сложившуюся в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Для начала их приватизировали не полностью, а частично. Сразу началось обвальное падение объёмов производства. Катастрофически снизилась добыча. По этому поводу собирались бесконечные совещания с участием нефтяных «генералов». Эти далеко не бедные люди регулярно приезжали к Ю. К. Шафраннику и устраивали истерики, требуя денег из бюджета. Шафранник либо собирал очередное совещание, либо бросался в ноги Черномырдину, который, в свою очередь, посылал меня как представителя Минфина к ним разбираться. Я должен был изыскать возможность и дать им денег. Видите ли, нефтяники испытывают острую нужду, поэтому срочно требуют поддержки из нашего скудного, дырявого бюджета.

То, что происходило, иначе как сумасшедшим домом назвать было нельзя. Что-либо объяснять нефтяникам было бесполезно — они отказывались нас слушать. Причём в Минфине было достаточно специалистов, которые прекрасно понимали, сколько на самом деле стоит нефтедобыча. Однако сибирские ходоки предпочитали не разговаривать, а орать. Встречи с ними превращались в сплошной двухчасовой крик о том, как у них всё остановилось, техника взрывается, рабочим нечего есть. Потом ходоки садились в свои «мерседесы», ехали в аэропорт, где пересаживались в собственные самолёты и улетали в свои углеводородные эльдорадо. Знающему специалисту было невыносимо наблюдать, как этот сумасшедший дом выдавали за государственную политику. Конечно, надо было всё в срочном порядке и как можно быстрее приватизировать. Когда на это решились, истерики мгновенно прекратились. Среди будущих олигархов, разбогатевших на приватизации, были разные люди. Скажем, В. Ю. Алекперов, как управлял своей империей, так и управляет. А другие их не удержали.

Макроэкономическая ситуация постоянно проверяла руководство страны и нас, экономистов, на профессиональную зрелость. Мы тогда брали кредиты напрямую у ЦБ. Эти кредиты ещё больше разгоняли инфляцию. То, что инфляцию удалось существенно снизить, отказавшись от этих

займов, подтвердило, что мы способны создать нормальные условия для развития экономики.

В начале 1993 года председатель Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов отправился с официальным визитом в республики бывшего СССР: Белоруссию, Армению, Азербайджан, Казахстан, на Украину. Членами делегации от правительства были заместители министров — я и С. В. Лавров (МИД). Уже во время первой остановки, в Минске, начались странности. Хасбулатов и ряд его личных советников, в том числе бывший советский генерал, куда-то уехали на весь день. Остальные члены делегации вместе с коллегами из белорусских структур власти бессмысленно болтались по залам какого-то государственного помещения.

После этого мы сразу отправились на аэродром. В предпоследнюю минуту ко мне подошёл председатель Верховного Совета Белоруссии С. С. Шушкевич и сказал: «Знаете ли вы, что Хасбулатов ездил на встречу с командованием Белорусского военного округа?» Я этого, разумеется, не знал. В программе визита такая встреча не значилась. По словам белорусских коллег, разговор с генералами вышел примерно такой:

— Сколько времени надо российским войскам, стоящим в Белоруссии, чтобы прибыть в Москву?

— Если в маршевых колоннах, то около недели. Если же в железнодорожных эшелонах — два дня.

— Готовы ли российские войска выступить на защиту советской власти? — спросил Хасбулатов.

В ответ — молчание генералов. Думаю, никто не хотел рисковать, поддерживая такие разговоры. Особенно после истории первого ГКЧП 1991 года.

Приземлившись в Киеве, я передал послу России на Украине Л. Я. Смольякову весь этот разговор, а тем временем делегация отправилась дальше, в Закавказье.

Как я на это реагировал? Уже тогда старался не поддаваться эмоциям. Всё же я ученый, аналитик. Вспоминал историю Французской революции XVIII века, Октябрьской революции в России. В. И. Ленин и Л. Б. Троцкий уже в 1920 годы писали, что каждая революция неизбежно проходит через свой откат, свой термидор. Ленин призывал большевиков «термидировать» самим себя — перейти к НЭПу.

Однако я понимал, что режим, который могли установить Руцкой, Хасбулатов и та часть окружавших их выходцев из советской бюрократии и «красных директоров», которая сопротивлялась реформам, был чреват откатом в экономических преобразованиях и поражением демократической политической революции. Если к этому добавить националистов во главе с генералом Макашёвым, то очевидно, что глубина возврата в прошлое была бы катастрофической. Не надо гадать, какой

была бы в этих условиях экономическая политика. Достаточно только посмотреть, что реально делали сторонники Верховного Совета РСФСР в экономике.

Хотя приватизацию и одобрили в Верховном Совете, но сделали её модель максимально удобной для генеральных директоров. Среди этих людей было достаточно много классных специалистов в своих отраслях, но мало бизнесменов. Да и государственную собственность уже в конце 1980-х — начале 1990-х годов директора использовали как личную. Контроль за финансовыми потоками для своей выгоды выдумал не Борис Березовский. Его ещё на АвтоВАЗе и близко не было, а контроль директора уже осуществляли — на основании советского Закона «О предприятии». Получив контроль над предприятиями, в условиях рынка немногие смогли его сохранить надолго. Кстати, первым схему залоговых аукционов официально предложил правительству России один из таких генералов — Олег Сосковец, первый заместитель Черномырдина. Сам из директоров металлургического комбината. Да и получателями акций того же ЮКОСа в результате залогового аукциона был не только Ходорковский, но и С. В. Муравленко — генеральный директор производственного объединения «Юганскнефтегаз». Тот самый, директор-нефтяник, позже ставший депутатом Государственной думы от КПРФ. Свои миллионы долларов он получил в ходе той же приватизации.

И до сих пор я считаю, что в 1993 году победа Руцкого — Хасбулатова обрекала нас на катастрофическую инфляцию на долгие годы. Что требовали от меня в Верховном Совете? Ничего особенного — денег. Наше слабое государство налоги собирать не могло, да и не хотело, а вот получать деньги из бюджета хотели все.

От Минфина требовали — берите необеспеченные ничем кредиты у Банка России и раздавайте их заводам, местным властям, всем, всем, всем, кто требует. Именно это и сделал Банк России под руководством В. В. Геращенко в ходе так называемого «взаимозачёта задолженности» в 1992–1993 годах. Пустые деньги буквально затопили Россию. Инфляция, то есть рост цен, за год составила более 1000%. Сбережения российских граждан исчезли и обесценились не в ходе отпуска цен по Гайдари, а в результате гиперинфляции и «взаимозачёта» по Геращенко. Лично моя задача во время работы в государственных структурах была в том, чтобы доказать: Россия не обречена на гиперинфляцию, что это зло можно победить.

В области внешнеэкономической политики достаточно посмотреть на деятельность Министерства внешнеэкономических связей во главе со сторонником Верховного Совета С. Ю. Глазьевым. Она в основном сводилась к раздаче квот на вывоз сырьевых ресурсов из России. Те, кто не утерять память, помнят, что в Москве все считали это министерство крайне кор-

С. К. Дубинин и Е. Т. Гайдар.
Государственная дума РФ.
Отставка состоялась. Октябрь
1994 г.

румпированным и неэффективным. Вот где личное богатство рождалось именно по росчерку пера чиновника.

События начала 1990-х годов или, как я их называю, четвертая русская революция, как, впрочем, и положено всякой революции, была призвана решать два основных вопроса жизни России, о власти и о собственности. В её ходе власть преобразовалась в демократию, хотя и далёкую от идеальной. Утвердились частная собственность и рыночная экономика.

Главной социальной движущей силой преобразований выступила, как всегда и происходит в классических европейских революциях, определённая часть самой же элиты. В Советском Союзе это была та часть советской партийной и хозяйственной номенклатуры, которая давно уже тяготилась своим относительным бесправием. Собственностью государственной эти люди распоряжались в плановом хозяйстве достаточно свободно, но ни передать её по наследству, ни приумножить и извлечь личные доходы законным путём не могли.

Победив, новый класс собственников привнёс в жизнь постсоветской России не только капитализм и политические свободы, но и массу старых предрассудков и вредоносных привычек. Многие к тому же считали все эти реформы чем-то временным. В целом капитализм получился, конечно, «диким», а политическая демократия «недоделанной». Это относится и к периоду правления президента Ельцина и к периоду правления президента Путина, да и сегодня остаётся примерно таким же.

Роль «молодых реформаторов» — представителей, как правило, советской научной интеллигенции, мне видится сегодня, как и в период моего собственного «хождения во власть», двояко. Мы были своеобразными «бур-

жуазными специалистами». Только у нас было какое-то сформировавшееся представление, почерпнутое из анализа современного мирового хозяйства, как должен работать капитализм в России. И нам удалось запустить этот механизм в действие.

Позже часть таких «спецов» и «экспертов» захотела сама окунуться в предпринимательство. Кому-то это удалось. К сожалению, часть коллег-реформаторов не остановилась перед тем, чтобы подключиться к сбору «административной ренты».

Интересно, что среди состоявшихся предпринимателей и тем более «олигархов» 1990-х годов практически не было профессиональных экономистов. В основном это были молодые технари. Они достаточно быстро нашли общий язык с «красными директорами» и где-то после 1996 года перестали стремиться к реальным свободам, как экономическим, так и политическим. Монополизированная, поделённая картельными соглашениями экономика, рынок с подавленной конкуренцией, их устраивали.

Оставшиеся в рядах чиновников реформаторы также поделились на тех идеалистов, которые работали во имя общественных интересов, и тех, скажем так, прагматиков, которым личные шкурные интересы оказались ближе.

Приход в Центральный банк

Осень 1994 года началась неплохо. Минфин предложил полностью отказаться от кредитования бюджета напрямую эмиссионными кредитами ЦБ. По этому вопросу удалось достичь согласия всех политических сил: президента, правительства, Госдумы. Чёрным не только для страны, но и лично для меня оказался вторник 11 октября 1994 года. После обвального падения курса рубля меня отправили в отставку. Пошёл работать в коммерческий банк «Империал» на должность первого заместителя председателя правления. Курировал обслуживание крупнейшего акционера и клиента «Империала» — компании «Газпром». С августа 1995-го вошёл в правление РАО «Газпром». В ноябре стал финансовым директором компании.

Во время работы в Минфине приходилось часто общаться с премьер-министром В. С. Черномырдиным. А познакомились мы раньше, когда я работал в Комитете по экономическому сотрудничеству. Тогда меня привлекали к решению финансовых вопросов о поставках газа в республики, до 1991 года входившие в СССР.

Поскольку с Виктором Степановичем у нас сложились хорошие личные отношения, я не удивился, когда узнал, что предложение возглавить Центральный банк поступило мне от главы правительства.

Когда Виктор Степанович пригласил меня к себе, я догадывался, о чём пойдёт речь. Буквально накануне Госдума не утвердила Т. В. Парамонову председателем Центробанка. Виктор Степанович спросил меня, согласен ли я занять эту должность. На тот момент я имел не только теоретические знания о банковской системе, но и определённую практику. Однако сначала я решил отказаться, потому что уже был занят интересным делом. В то время как раз «Газпром» превращался в настоящую корпорацию, которая переживала трудности переходного периода, связанные с отсутствием системы финансового планирования, учёта всех операций предприятий группы, полноценного казначейства и многого другого. Я вплотную занимался созданием этих структур и чувствовал себя на своём месте. Да и материальные условия в «Газпроме» были лучше, чем в Центральном банке.

Тогда Черномырдин подчеркнул, что просит меня лично, как добрый друг. В этом случае я Виктору Степановичу отказать уже не мог — слишком я его уважал и до сих пор уважаю. Тем более что в ходе дальнейшего разговора с Черномырдиным я понял, что не имею морального права отказываться. Виктор Степанович меня убедил, что моё присутствие в ЦБ действительно нужно для дела. СМИ того времени писали, что Черномырдину якобы был нужен на этой должности «свой человек», но что толку от «своего» человека, если он не обеспечивает необходимый уровень работы Центрального банка. В таком случае он не прибавляет, а отнимает общественное доверие к выдвинувшим его руководителям страны. Поэтому дело было в другом. Для человеческих поступков существует такой важный стимул, как вызов. Возможность побороться за создание современной, цивилизованной банковской и финансово-денежной системы в России стала для меня именно вызовом. Тем более что я уже довольно отчётливо представлял себе, как следует строить политику главного банка страны. И если бы не имел внутреннего убеждения, что именно нужно делать для развития экономики, я бы, конечно, не взялся за эту работу.

Новость повергла в уныние мою жену. Она ужасно расстроилась. Считала, что в жизни надо заниматься нормальным делом — бизнесом. Вместо этого я опять собрался, по сути, на государственную службу.

Несколько дней пришлось ходить по думским комитетам, встречаться с руководством фракций, отвечать на их вопросы, рассказывать, какие задачи я считаю первоочередными и как намерен их решать. Создавалось впечатление, что мои слова встречают понимание. Встречи с депутатами «Наш дом — Россия» и «Яблока» прошли успешно. Удалось найти общий язык даже с фракцией КПРФ, где было много догматиков. Они считали, что некоторые границы нельзя переступать ни при каких обстоятельствах. Причём даже не могли объяснить почему. Всё, что связано с советским

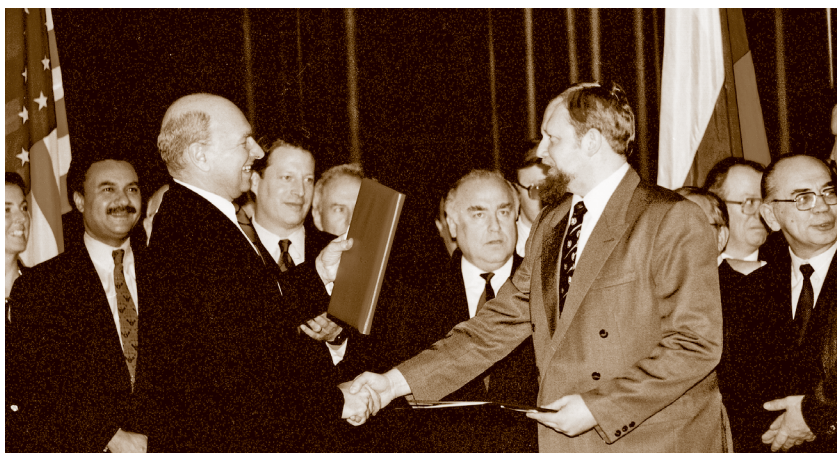
опытом, для них было свято. В те годы депутаты-коммунисты могли голосовать за вполне разумные решения, руководствуясь требованиями современности, но при этом всё равно считали советские догматы эталоном, по которому они сверяли часы. С ЛДПР разговаривать было легче. В этой фракции преобладали люди с прагматичным мышлением. Голосование по моей кандидатуре подтвердило, что на собеседованиях я выбрал верную тактику. За меня проголосовало подавляющее большинство депутатов.

Решение о независимости Центрального банка, а значит, и его председателя — это вопрос скорее политического выбора, а не юридического закона. В 1995 году по этому принципу также удалось достичь согласия всех политических сил — президента, правительства, большинства депутатов Думы. Было принято решение о прекращении кредитования бюджета Центральным банком, после чего в ЦБ сосредоточились все рычаги управления денежной политикой. Так что принятие весной 1995 года новой редакции Закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» зафиксировало существующее положение вещей.

Приняв решение возглавить ЦБ, я рассчитывал, что за время моего руководства мне удастся поспособствовать созданию нормальной неинфляционной экономики — социально ориентированной и быстро растущей. Подавлять инфляцию следовало с помощью всех известных инструментов денежной политики и одновременно развивать банковскую систему и рынок государственных ценных бумаг, с тем, чтобы обеспечить нормальное финансирование бюджета, и на этой базе возобновить экономический рост. Для этого нужна была стабильность курса на реформы, направленные на появление в России рыночной экономики.

Для начала я наметил для себя несколько приоритетов, на которых решил сосредоточиться. Прежде всего предстояло наводить порядок в самой банковской системе, которая все последние годы до моего прихода в Банк России слишком бурно развивалась в количественном, а не в качественном отношении. Было понятно, что она находится в хаотичном, рыхлом, неопределённом состоянии и ни в какой мере не соответствует современным требованиям. Пик количественного увеличения числа банков был уже пройден, их было более 2500. Дело оставалось за малым — перевести это количество в качество. Для этого нужно было менять всю структуру банковского сектора экономики. К сожалению, и сегодня, спустя 15 лет, структура российской банковской системы по-прежнему далека от совершенства.

Истоки всех бед российского банковского сектора были заложены ещё при советской власти — во времена премьерства Н. И. Рыжкова, когда без всякой подготовительной работы разрешили создавать сначала кооперативные, а позже и коммерческие банки. Для этого не существовало ника-

Комиссия А. Гор—В. С. Черномырдин работает. С. К. Дубинин и Т. Пиккеринг подписали соглашение. 1996 г.

кой юридической базы. Никто толком не понимал, что из себя представляет современный коммерческий банк и какие задачи он должен в России выполнять. Просто разрешили их открывать, потому что в рыночной экономике полагается существовать рынку кредитов. Вот банки и появились.

В 1995–1996 годы российский банковский сектор представлял собой конгломерат совершенно разных частей. Была группа из трёх больших госбанков, которая сохранилась с советского времени, — не приватизированных, но частично акционированных. Это Сбербанк, Внешторгбанк и Россельхозбанк.

Отдельно стоит упомянуть Внешэкономбанк СССР. С ним, как и с Минфином, у ЦБ постоянно возникали проблемы, связанные с реструктурированием советского внешнего долга и управлением внешним долгом других стран по отношению к России. В этом деле Внешэкономбанк играл большую роль — был держателем всех этих долгов. Этим направлением приходилось заниматься в контексте макроэкономических вопросов. В начале 1990-х годов после дефолта СССР по внешнему долгу в собственность Банка России была передана сеть росзагранбанков — это был один из секторов российской банковской системы, который находился за рубежом. Я пытался объединить их в единую систему во главе с лондонским Моснарбанком, исходя из того, что Лондон — мировой финансовый центр. В то время Моснарбанк возглавлял А. П. Семикоз, которого мы позже заменили на И. Г. Суворова. Однако идея объединения оказалась неосуществимой, потому что заграничные банки в значительной части были вписаны в национальные банковские системы стран, на территории которых они располагались. Тогда ещё не существовало единой зоны евро и каждый банк находился под пристальным надзором своего национального регу-

Сергей Константинович Дубинин

С. К. Дубинин и Е. Г. Ясин,
на заседании правительства РФ.
1996 г.

лятора. При этом все заграничные банки фактически были к тому времени банкротами. В своё время они открывались, чтобы обслуживать советский плановый экспорт-импорт, поэтому Госбанк СССР поддерживал их с помощью депозитов — в частности, Моснарбанк чувствовал себя уверенно благодаря золотому депозиту Госбанка СССР. Большие кредиты заграничные банки давать не могли из-за ограниченности ресурсов, не стало централизованной внешней торговли, их капитал стал отрицательным, и существование фактически стало невозможным.

Когда я принимал дела у Т. В. Парамоновой, я советовался с В. В. Геращенко и спросил его, для чего мы вообще держимся за эти банки. Может быть, настало время их закрыть? Геращенко объяснил: «Представьте себе, что в России снова пришли к власти коммунисты, страна вернулась во времена изоляционизма, окно в Европу закрылось. В такой ситуации эти банки будут играть роль форточек». Я с ним согласился и решил: пусть росзагранбанки останутся. Тем более что они были полезны как кузница и резерв кадров — поставляли в нашу банковскую систему специалистов с международным банковским опытом. Однако, повторяю, никакой финансовой или политической роли в середине 1990-х годов росзагранбанки уже не играли.

Кроме трёх основных госбанков российская банковская система состояла ещё из трёх групп банков: нескольких десятков уважаемых акционированных и приватизированных бывших советских спецбанков, примыкающих к ним новых олигархических и бесчисленного количества мелких и средних коммерческих. Последние вообще не поддавались классификации, потому что представляли собой некий бурлящий котёл с огромным конгломератом всевозможных компонентов. Многие банки превратились в идеальную питательную среду для криминала. То, что мы сотнями тогда

Центральный аппарат

А. Б. Чубайс, В. С. Черномырдин, С. К. Дубинин и Б. Е. Немцов в ложе правительства Государственной думы. Снова нет взаимопонимания с депутатами. 1997 г.

отзывали лицензии, диктовалось объективной необходимостью. Зачастую невозможно было разыскать юридических и частных лиц — владельцев банка, конечные бенефициары не просматривались, а расчёты между сомнительными структурами проводили мелкие банки, расположенные не по указанному юридическому адресу, а неизвестно где. Сплошь и рядом случалось так, что банка нет, его лицензия давным-давно отозвана, в расчётно-кассовых центрах (РКЦ) они не значатся, в ЦБ успели забыть о его существовании, но вдруг в обороте появляются платёжки с их реквизитами, а ещё чаще их векселя.

Кто-то продолжал использовать несуществующие банки как прачечные для «грязных денег». Бывшие владельцы умудрялись сохранять печать банка, с помощью которой менеджеры успевали перебросить деньги в безопасное место — в основном за границу. К счастью, к середине 1990-х годов нам уже удавалось часто пресекать такого рода попытки, в том числе и благодаря появившимся новым техническим возможностям. Проблему технически решили ещё до моего прихода в ЦБ. Правда, отдельные попытки мошенничества продолжались. И в 1996 году ещё продолжали напоминать о себе так называемые «чеченские авизо». Были случаи, когда где-нибудь в Дагестане в РКЦ входили бородатые люди с автоматами и, угрожая оружием, заставляли сотрудников проводить те или иные операции. Можно, конечно, предположить, что чаще всего это делалось по предварительному сговору с работниками РКЦ. Такие операции пошли на убыль и прекратились после того, как в ЦБ создали электронную защиту, которая перепроверяла все поступления денег с Северного Кавказа. Отправлять фальшивые авизо уже не имело смысла. Кстати, во многом это заслуга Т. В. Парамоновой. Надо отдать ей должное — она блестящий специалист по организации расчётов.

Справедливости ради надо отметить, что среди огромного разнообразия банков далеко не все были криминальными. Тем не менее как у крупных частных банков, так и у мелких было много общих недостатков — они легко шли на «накачивание» фиктивного собственного капитала, предпочитали вести операции с аффилированными, связанными с ними и их владельцами клиентами (так своеобразно выглядел тогда их риск-менеджмент), и наконец — полное отсутствие корпоративного управления. Того, что называется комплаенс¹.

Все эти проблемы породили на рынке синдром, называемый кризисом недоверия. Финансисты в те времена практически избегали давать друг другу деньги в займы, опасаясь нарваться на ненадёжного заёмщика. В этой ситуации ЦБ решил принимать от банков краткосрочные депозиты на сумму не менее 50 млрд рублей. Для банков это был хоть какой-то выход из положения, а для ЦБ — хороший способ контролировать и стерилизовать излишнюю ликвидность, да и найти короткие деньги, не запуская печатный станок.

Операции, совершаемые коммерческими банками, априори считались крайне рискованными. Кредиты давали не на основании гарантий, которые предоставлял клиент, а только тем людям, которых хорошо знало руководство банка. К сожалению, в то время своих кредиторов сплошь и рядом «кидали» даже «самые лучшие» друзья. Поэтому каждый крупный банк старался обслуживать только структуры внутри своего холдинга. Большинство олигархических банков было завязано на какую-нибудь крупную бизнес-структуру; например, металлургический завод или нефтяное месторождение. Считалось престижным, если во главе каждого большого холдинга стоял банк. Он служил витриной, в которой можно было показать прибыль, и был центром формирования этой прибыли, либо для крупной олигархической группы, либо для более мелкого бизнеса.

От сытой и безопасной жизни внутри холдинга, под крышей олигархов у руководства банков начиналось головокружение от успехов. Они полностью игнорировали оценки рисков. Это понятие существовало чисто теоретически, кто-то из банкиров о нём знал, но никому не приходило в голову применять его на практике. Все понимали, что риск неизбежен, и считали, что хеджировать его в нынешних условиях возможно только одним способом — обслуживать тех, кому ты доверяешь. Таким образом, кредиты давали самим себе под залог собственного имущества. Акционеры вкладывали деньги и тут же по другим каналам получали их в виде кредитов на свои компании. При этом ещё и фальсифицировали отчётность о капитале. Он

¹ Комплаенс — соблюдение законов, правил и стандартов регулирующих органов, надлежащее исполнение стандартов рыночного поведения, управление конфликтом интересов, справедливое обращение с клиентами и выполнение их пожеланий. — Бухгалтерия и банки, № 12, дек. 2005.

Центральный аппарат

В. С. Черномырдин, Я. М. Уринсон, С. К. Дубинин и др., расширенное заседание правительства РФ. Белый дом. 1997 г.

заводился временно и тут же изымался в виде кредитов, которые никто не собирался возвращать. В отчётности обозначали фиктивный капитал банка. Не секрет, что так было в большинстве вновь созданных банков. Поэтому капиталы не стали реальным резервом банка, их собственными средствами, на которые можно было при необходимости списать убытки. Все эти недостатки банковского сектора вышли наружу в момент кризиса 1998 года.

Естественно, все риски собирались в одну корзину, происходила их концентрация, и если сыпалась какая-то группа, то вместе со своим банком. При таком раскладе многие крупные и внешне благополучные, процветающие банки на самом деле выглядели весьма плачевно. Время от времени дело заканчивалось банкротством какого-нибудь монстра вроде Тверьуниверсалбанка, Уникомбанка, ТОКОБанка или Межрегионбанка.

Каждый случай порождал череду конфликтов. Поэтому наводить порядок приходилось в двух направлениях. Сначала мы старались помочь управляющим и собственникам такого банка, организовывали наблюдение надзорных органов, обсуждали ситуацию и планы санации с руководством банков, даже выделяли им стабилизационные кредиты. Если это не помогало, вводили временные администрации, запускали процедуру банкротства и ликвидации банка — разбирали завалы, разгребали последствия очередного банкротства.

Первым банком, которым мне пришлось заниматься в таком режиме после прихода в ЦБ, стал тольяттинский «Лада-Кредит», который обслуживал АвтоВАЗ. Все риски этого крупного банка были завязаны на кор-

порации и прилегающих к ней структурах. К концу 1995 года у банка был отрицательный капитал, он уже не мог создавать никакие резервы — для этого у него не осталось ресурсов. Мы приняли решение ввести там временную администрацию. 30 декабря в их главном тольяттинском офисе появился директор департамента банковского санирования ЦБ А. Панов с соответствующим мандатом. После Нового года в Тольятти вылетела и мой заместитель Татьяна Кузьминична Артёмова. Она провела в банке несколько дней — пока ни наладила контроль за его работой. Это был первый опыт цивилизованной работы надзорных служб ЦБ с проблемным банком. Мы привлекли к этой работе несколько департаментов, составлявших надзорный блок в том виде, в каком он существовал первое время. Кстати, банк действует до сих пор.

На следующее лето, прямо во время выборов 1996 года, мы были вынуждены заниматься Тверьюниверсалбанком — заставить его выполнить обязательства перед вкладчиками в предусмотренном законом порядке. Они выполнили наши условия, но ради этого пришлось отобрать у них лицензию. Чуть позже та же история произошла с Уникомбанком, с которым нам тоже пришлось основательно намаяться.

В числе первых боевых крещений, сквозь которые я прошёл в 1995–1996 годах, оказалось банкротство банка «Национальный кредит» Олега Бойко. Банк показал отрицательный капитал, что фактически означает банкротство. При этом и Бойко, и стоявшие за ним представители Фонда поддержки и развития физической культуры и спорта были непоколебимо уверены, что ЦБ их в обиду не даст. Однако, несмотря на их уверенность, я упёрся. Вступая в должность председателя, сказал сам себе, что мы ни при каких обстоятельствах не должны по звонку сверху давать деньги любому, даже самому крупному банку, если он находится в ситуации банкротства. С банкротами надо поступать, как прописано в законе. В России нет банков, которые были бы, как говорят на Западе, *too big to fail* (слишком большие, чтобы рухнуть), и поэтому их нужно спасать любой ценой. Кроме Сбербанка, конечно. В результате возникла конфликтная ситуация. Я встретился с Бойко и предложил ввести в его банке временную администрацию. После этого последовала серия звонков от высокопоставленных чиновников. Когда Бойко понял, что денег мы просто так не дадим, он тут же бросил свой «Национальный кредит» на произвол судьбы, решив, что банк не стоит того, чтобы тратить на него силы. Видимо, всё, что было можно, он из него получил. Этим дело и закончилось.

Вскоре после общения с Бойко в начале 1996 года кто-то стрелял из пистолета по окнам моей квартиры. В это время я был на работе, жены тоже не было дома. В квартире находился сын с друзьями. Конечно, они пережили несколько неприятных минут, когда неожиданно посыпались стекла.

В портъере осталась дырка от пули. Я решил сохранить её на память и показывал друзьям, когда они приходили в гости.

На счёт причин этого происшествия у сотрудников ФСБ, с которыми я разговаривал, было две версии. Согласно оперативной информации, Олег Бойко кому-то говорил про меня: «Зарвался мужик. Но ничего, когда у него над ухом немного постреляют, быстро одумается».

Однако была и другая версия случившегося. В это время в Рязани возникли проблемы на заводе, принадлежавшем ЦБ. Он производил банковские комнаты-сейфы и числился на балансе Банка России. Его директор самовольно захватил предприятие, заявив, что отныне оно принадлежит трудовому коллективу. Никаких юридических оснований у него не было. Кроме всего прочего, этот директор состоял в националистической организации, кажется РНЕ, поэтому охранниками у него работали баркашовцы. Они и взяли завод под свой контроль. Конечно, им нужно было прежде всего помещение, потому что заказов на эти сейфы не было и ни один банк не стал бы иметь с этим директором дело. В конце концов мы с помощью ФСБ и милиции выбили баркашовцев с территории завода. После этого мою службу безопасности предупредили, что группа молодых людей с оружием выехала из Рязани в Москву. К тому же кто-то заметил автомобиль с номерами, который постоянно катался мимо нашего дома. Так что вполне возможно, что в стрельбе по окнам упражнялись именно они.

После этого обстрела я решил поставить в своей квартире пуленепробиваемые окна. Их стоимость, кстати, вычли у меня из зарплаты. Оказалось, что расходы на безопасность не предусматривают такой статьи, как установка пуленепробиваемых окон в квартире председателя.

Через много лет по тем же самым окнам стреляли снова — каких-либо версий у следователей так и не появилось.

Но, пожалуй, самой драматичной была история банкротства «СБС-Агро», который испытывал огромнейшие трудности из-за ошибок в управлении активами. Эти события разворачивались уже на фоне стремительно углублявшегося кризиса 1998 года. За своего друга, владельца банка А. П. Смоленского, ходатайствовал Б. А. Березовский, занимавший тогда должность заместителя секретаря Совета безопасности РФ и являвшийся по некоторым данным скрытым фактически основным собственником Столичного банка сбережений. В моём кабинете мы с ним подолгу обсуждали — и один на один, и с участием моих сотрудников, что можно сделать, чтобы спасти банк. Но когда мы объявили о введении в «СБС-Агро» временной администрации, Березовский заявил: «Конечно, мы понимаем, что Смоленский должен уйти. Но вы делаете ошибку, и мы вам этого не простим!» Вообще, за время моей работы в ЦБ мне ни разу не угрожали какими-то физическими мерами, но снять с работы обещали неоднократно.

При этом ЦБ всегда относился к этому банку лояльно. Учитывая масштабность привлечённых им вкладов населения, мы искренне надеялись найти совместное решение процедуры оздоровления, Это был второй по количеству отделений и масштабам обслуживания населения ритейловый банк в стране.. Мы представляли, сколько при банкротстве банка окажется пострадавших, системы гарантирования вкладов тогда ведь не существовало. Единственным нашим условием было требование о временном отстранении собственников от процесса принятия решений. Мы выделили банку «СБС-Агро» кредит в 1 млрд рублей под обеспечение всеми акциями банка. Тем самым вроде бы брали банк под контроль ЦБ. Однако администрация банка, и прежде всего сам Смоленский, так и не начали расплачиваться с вкладчиками и игнорировали все наши инициативы. Не предоставляли информацию о ситуации в банке, не выполняли договорённости. В результате пришлось идти на радикальные меры — остановить работу банка, ввести временную администрацию. В ответ мы получили прямое сопротивление — нашу временную администрацию отказались пустить в здание банка.

В моём кабинете Смоленский говорил: «Да, «СБС-Агро» — банкрот. Поэтому нам мало вашего миллиарда. Для начала нужно два, а потом ещё 6–8». При этом он отказывался сообщить, как планирует распорядиться такой солидной суммой. Затем Смоленский начал публично заявлять в СМИ, что наша программа оздоровления его не устраивает и что он будет добиваться отставки Дубинина. Таким способом он ещё и мстил мне за свою неудавшуюся попытку приватизировать Сбербанк.

К сожалению, проблема банкротств отечественных предприятий, и не только банков, была в том, что заставить фирму вернуть долги можно было только в случае, если объявить её банкротом и остановить её деятельность. Закон о банкротстве составлен так, что во время процедуры возвращения долгов сохранить предприятие в рабочем состоянии невозможно. После же банкротства у производства практически нет шансов возродиться. В отличие от России на Западе можно сделать так, что, например, обанкротившаяся в результате кризиса 2007–2009 годов компания General Motors продолжает работать, несмотря на то что её владельцы-инвесторы потеряли все свои деньги. Такого наше законодательство о банкротстве не предусматривает до сих пор. Проблема ещё и в том, что добраться до настоящих владельцев у нас чаще всего не получается.

Вообще, иметь дело с владельцами крупнейших банков было невероятно трудно, но необходимо. Неспроста даже директор-распорядитель Международного валютного фонда Мишель Камдессю в какой-то момент захотел с ними встретиться, чтобы узнать, что это за порода такая, что за зверь — олигарх российский. Мы организовали ему такую встречу у себя

в ЦБ. После беседы у него остался тяжёлый осадок. Он сказал, что эти люди создают большие проблемы российским реформам.

Фиктивность банковских капиталов действительно мешала развиваться всей экономике. Надо было добиться, чтобы банковская система имела достаточно реальных собственных средств. Эта поистине титаническая работа заняла больше времени, чем я ожидал. Её удалось выполнить только уже в этом веке. Я был уверен, что без полной прозрачности банковской деятельности недопустимо и невозможно переходить и к страхованию вкладов. Иначе получалось, что государство, бюджет в лице Агентства по страхованию вкладов или Сбербанк, если он внесёт большую часть взносов в страховой фонд (имея больше всего частных вкладов), будет расплачиваться не только за менеджмент обанкротившегося банка, но и за его инвесторов, которые на самом деле не только не дали собственные деньги на спасение банка, но и предварительно вывели из него все активы. Это было бы несправедливо и подрывало бы доверие к государству.

Тем не менее, несмотря на многочисленные препоны, которые нам ставили, в отношении банков-банкротов нам удавалось проявлять твёрдость и последовательность. Мы выбрали правильный путь и поняли, что нельзя делить банки на чистые и нечистые, свои и не свои, и по этому принципу спасать их или не спасать. Если мы хотя бы раз дали деньги кому-то одному на льготных условиях и при этом отказали другому, у нас не было бы в дальнейшем никаких объективных критериев для спасения тонущих банков.

Мы поставили перед нашим надзорным блоком задачу создать в банках систему цивилизованного риск-менеджмента, комплаенс, трансперенси — всего банковского «джентльменского набора». К моему приходу в ЦБ уже накопилась большая пачка инструкций — по банковскому надзору, правилам ведения бухгалтерского учёта, перехода на новый план счетов. Они были разработаны, но не выпущены — прежнее руководство ЦБ не хотело ни с кем ссориться. Ведь новые инструкции задевали интересы очень влиятельных в то время банков. Они не были направлены против какого-то конкретного кредитного учреждения, но меняли правила игры. За полгода я внедрил в жизнь весь этот набор решений и постарался значительно изменить банковский надзор. В частности, разделил функции лицензирования и банковского надзора, которые до того времени выполнял один департамент.

Заметным шагом стало создание в центральном аппарате специального подразделения — ОПЕРУ-2. На него мы возложили надзор, инспектирование и проведение расчётно-кассовых операций самых крупных и влиятельных банков. Создание ОПЕРУ-2 было первым шагом на пути концентрации банковского надзора за ведущими банками в одном месте

и встретило ожесточённое сопротивление как со стороны банков, так и со стороны региональной власти.

Во всём мире крупнейшие банки находятся под особым надзором регулятора. Однако после моей отставки, когда российские влиятельные банки оказались в кризисной ситуации, их тут же передали в ведомство главы ГУ ЦБ по Москве К. Б. Шора, несмотря на то что принимать решения о кредитовании приходилось в центральной конторе, а не на уровне московского управления. А ведь надзор, по-моему, должен осуществляться там, где принимаются решения. Сегодня эта иерархия в системе ЦБ выстроена достаточно чётко.

К сожалению, мы не успели довести задуманное до конца. Проблема ведь не только в надзоре со стороны ЦБ, но и во внутреннем корпоративном управлении.

И мы не успели достаточно ужесточить надзор, это было нашей недоделкой. К началу кризиса нужно было лишить лицензии значительно большее количество банков, но и без того за первый год моего руководства количество кредитных организаций сократилось на сотни. Кстати, большинство системообразующих банков — Инкомбанк, ТОКОБанк, «СБС-Агро», Промстройбанк — испытывали большие трудности ещё до 17 августа. Надо сказать, что на их положение повлияла ситуация с ГКО, с курсом доллара, но их неплатёжеспособность стала проявляться до пика кризиса.

Банковские кадры

Так получилось, что я всю жизнь работал в солидных, давно сложившихся структурах. Даже вновь образованный Комитет по СНГ состоял из опытных специалистов аппарата Совмина СССР, хорошо знакомых с региональными вопросами. Это были профессионалы своего дела. То же самое и в Минфине. У меня даже поначалу были сомнения, удастся ли заставить этот богатый человеческий потенциал работать на экономическую реформу и рыночную экономику. К счастью, я имел дело с людьми выдающихся способностей, обладающими исключительными знаниями и навыками. Даже если кто-то из моих коллег не слишком одобрял рыночные реформы, но зная своё дело досконально, они не только работали добросовестно, но вложили в реформаторскую работу много сил. Тем более надо сказать о тех опытных специалистах, которые фактически создали настоящую эпоху в идеологии и практике рыночного развития финансовой системы страны. Прежде всего речь идёт о заместителе министра финансов Белле Ильиничне Златкис. Её выдающаяся работа по созданию рынка государственных и частных ценных бумаг вызывает искреннее восхищение.

Кстати, работа в Минфине — единственный период моей жизни, когда я выезжал из дома к 9 часам утра и возвращался регулярно только после полуночи. И так шесть дней в неделю на протяжении двух лет. Лишь изредка в субботу можно было попасть домой часам к 8–9. Тем не менее это время вспоминается как весьма интересное, достойное. Было понятно, на что были потрачены усилия.

Работая в Минфине, я знал многих сотрудников ЦБ, считал их достойными людьми и первоклассными специалистами. Тем не менее испытывал беспокойство по поводу того, как меня встретит коллектив. Слава Богу, мои волнения оказались напрасными. В профессиональном отношении у меня не было с коллегами никаких проблем. Мне удалось найти общий язык, взаимопонимание и установить нормальные рабочие отношения со всеми, кого я особенно ценил.

Ужасно не хотелось совершать кадровую революцию, хотя я понимал, что какие-то перестановки неизбежны. Когда приходит новый руководитель, всегда находятся люди, встречающие его в штыки и начинающие саботировать решения.

Согласившись занять должность председателя ЦБ, я предложил некоторым знакомым специалистам работать со мной. Как ни странно, но корифеи банковского дела не спешили принимать моё предложение. Большинство просто от него отказалось. Я понял, что у каждого из них за последние годы сложились непростые отношения с аппаратом Центрального банка. С собой я привёл только минфиновца Сергея Владимировича Алексащенко и бывшего депутата Госдумы Александра Владимировича Турбанова. Обоих я сделал своими заместителями.

Хочу сразу сказать о том, что совместная работа с Сергеем Алексащенко имела для меня огромное значение. Нас объединяло, и сегодня по-прежнему объединяет, единое экономическое мировоззрение. Общее понимание задач и приоритетов кредитно-денежной политики. Оценки конкретных проблем и ситуаций могут быть различны, по ним постоянно и жарко спорили, но решения, родившиеся в этих спорах, умели воплощать в жизнь. Мы полностью доверяли друг другу, и ни разу это доверие не было обмануто.

После назначения я приехал в банк, меня официально представили совету директоров. Началась работа, я стал приглашать к себе сотрудников, занимавших ключевые должности. Все почему-то ждали, что я тут же начну предлагать им писать заявления об уходе. Я же наоборот стал просить всех оставаться на своих местах. Я не ошибся в своих оценках, на первые роли были выдвинуты те, кто уже работал в ЦБ. Новых людей я брал в исключительных случаях, только на свободные и вновь создаваемые позиции.

В результате за 1996 год из Центрального банка на уровне членов совета директоров, да и просто директоров департаментов пришлось уволить

Сергей Константинович Дубинин

Международный банковский форум. Общение со СМИ. Последние спокойные дни перед финансовым кризисом. Москва, сентябрь 1997 г.

только Т. В. Парамонову. Но в этом случае всё было predetermined — я с самого начала предупредил её, что мы не сможем работать вместе. Она претендовала на то, чтобы по-прежнему оставаться безраздельной хозяйкой банка и иметь возможность делать всё, что она захочет. Парамонова привыкла принимать главные решения и не всегда выполнять указания руководства. По крайней мере так это выглядело со стороны. В. В. Геращенко выпускал те или иные приказы и писал резолюции, после чего Парамонова могла спокойно, без всяких последствий, отложить их в сторону. Но я так работать не привык и всегда вникаю в то, что делают мои подчинённые. Поэтому сработаться с Татьяной Владимировной у меня не было шансов.

А. А. Хандруеву и А. А. Козлову я с самого начала предложил остаться на своих высоких постах. Причём Козлов думал, что я уволю его чуть ли не первым. Согласно сформировавшейся в чиновничьей среде за годы советской власти логике, если Геращенко его продвигал, то я должен был с ним расстаться. Однако я знал Козлова как прекрасного специалиста. Он занимался ценными бумагами и прекрасно в них разбирался. Мне даже в голову не приходило с ним расставаться. В результате мы с ним плодотворно проработали до 1998 года. Правда, в 1998 году он не согласился с мерами, которые мы начали предпринимать для смягчения последствий кризиса, и выступил против объявления дефолта. Считал, что нам лучше пойти на инфляционное решение проблемы. Что ж, он как профессионал имел право на такое видение.

Переход Козлова в надзорный блок стал подтверждением нашей дружбы. В отличие от Александра Хандруева, которого я знал с университетской скамьи, у Козлова хватило характера прессовать банки, чтобы они хотя бы формального соблюдали порядок, следовали букве закона, проходили аудит внешний, создавали аудит внутренний. Он заставил банки

Посольство РФ. Президенту Европейского банка реконструкции и развития Жаку де Ларозьеру вручается российский орден. Лондон, 1996 г.

вовремя сдавать отчётность, нанимать аудиторов. В то время этого было невероятно сложно добиться. У Хандруева не хватало воли преодолевать сопротивление крупных олигархических структур. В конце концов я сказал ему, что в банковском надзоре нужно в корне менять ситуацию, поэтому на его месте нужен твёрдый и бескомпромиссный человек, такой как Козлов. В результате Козлов стал курировать более ответственное направление. Это было правильное решение. В октябре 1997 года он стал первым заместителем председателя ЦБ РФ.

С Александром Порфирьевичем Торшиным я познакомился, когда перед назначением в ЦБ проходил «смотрины» в Госдуме. Он в качестве статс-секретаря (в ранге заместителя председателя Банка России) стал для меня важным и серьёзным помощником. Помог найти общий язык с депутатами оппозиции, особенно от ЛДПР, КПРФ, да и со всем «правомыслительским большинством». Работоспособный, дипломатичный человек, умеющий наладить с людьми формальные и неформальные дружеские отношения. Впоследствии, став моим статс-секретарём, продолжал помогать мне решать вопросы и с Думой, и с государственными органами. Казалось бы, председателю ЦБ найти общий язык с государственными структурами несложно. Тем не менее постоянно возникают конфликтные ситуации, и приходится оценивать, как лучше себя вести с людьми, с которыми мне придётся иметь дело. Этой работой, причём очень успешно, и занимался Александр Порфирьевич. Он занял свою должность в ЦБ ещё до моего прихода, и у нас с ним сложились прекрасные отношения.

Макроэкономическое направление успешно вели Сергей Алексахенко и Надежда Иванова. На них в первую очередь легла работа по организации и ведению переговоров с МВФ. Макроэкономическая аналитика и статистика Банка России делалась на высочайшем мировом уровне.

Так что с большинством специалистов у меня выстроились нормальные рабочие отношения. Например, с главным бухгалтером Людмилой Ивановной Гуденко, с начальником управления межбанковских расчётов Натальей Алексеевной Павловой. Неоценимой была для меня помощь моего заместителя Татьяны Кузьминичны Артёмовой. Она курировала многие направления, на каждом меняла ситуацию к лучшему и была незаменимым специалистом по расчётам, учёту и банковскому регулированию. Ей приходилось заниматься санацией крупных банков, которые оказывались банкротами. Нужно было обладать стальными нервами даже для того, чтобы просто заходить в эти банки, не говоря уже о том, чтобы ставить их под контроль. Потому что при возникновении интереса со стороны надзорных структур в неблагополучном банке мгновенно начиналось растаскивание активов.

Большое значение имело взаимодействие с региональными территориальными управлениями ЦБ. Руководство Банка России ощущало деловую поддержку Санкт-Петербургского управления во главе с Надеждой Савинской. Полномочия начальника Московского главного территориального управления Банка России К. Б. Шора были ограничены, но и с ним мы в конце концов нашли взаимопонимание и работали нормально, без грызни и скандалов. Он не раз давал мне ценные советы. Мы откровенно и подолгу беседовали с ним.

Одну из ключевых ролей в ЦБ играл юридический департамент и заместитель председателя, его курировавший. Когда я пришёл в банк, это подразделение возглавлял К. Б. Лубенченко. Я повысил его до своего заместителя, и он проводил огромную работу в области формирования банковского законодательства, потому что был силён не только в текущих юридических вопросах, но и в законотворчестве, которым он занимался, ещё будучи научным сотрудником, политическим деятелем — заместителем председателя комитета Верховного Совета СССР по законодательству.

А. В. Турбанова я пригласил своим заместителем и поручил ему также курировать разработку юридических документов по надзору, поскольку считал, что такие сильные и опытные руководители, как он, смогут придать этому направлению должный вес и значение. Я видел, что в ЦБ надзор не выполняет задач в сфере макроэкономики, не влияет на неё. С приходом Турбанова удалось перебросить мост между надзором и макроэкономическими задачами.

Как видим, подавляющее большинство старой команды, которые хотели работать, остались на месте. Многих даже повысили в должностях. Даже когда я пригласил Д. Г. Киселёва наладить и возглавить ОПЕРУ-2, он всё время оставался в подчинении А. А. Козлова. К сожалению, моей работе мешал перманентный конфликт с начальником главного управления ва-

лютного регулирования и валютного контроля В. Н. Мельниковым. Я был за постепенную, поэтапную, но вместе с тем однозначно чёткую либерализацию валютного законодательства, переход к конвертируемости рубля. Моей целью был переход если не к плавающему, свободному курсу, то к более либеральному валютному режиму, присоединение к 3-й статье Устава МВФ, призванной «обеспечивать стабильность валют, поддерживать упорядоченные отношения в валютной области среди государств-членов» и не допускать «обесценивания валют с целью получения конкурентных преимуществ». В этой статье, по существу, речь идёт о конвертируемости и едином валютном курсе. Мельников считал всё это преждевременным. Он со своими единомышленниками пытался продолжать дискредитировавшую себя практику «ручного управления» курсовой политикой в стиле консервативной традиции Госбанка СССР.

У начальника департамента иностранных операций А. И. Потёмкина, наоборот, были либеральные взгляды. И мы с ним работали синхронно, в унисон. Я, Алексашенко и все остальные сотрудники ЦБ, которые восприняли наш либеральный курс, всеми силами старались сократить до минимума списки разрешений, за которыми банки обращаются в ЦБ. Это было нашей целью. Претворение её в жизнь мы считали главным условием формирования современной банковской системы.

Среднее звено обновлялось постепенно, было видно, что оно справится с любыми поставленными задачами. На уровне руководителей департаментов и отделов появлялись новые специалисты, но в целом, как я уже говорил, со стороны пришло не так уж много людей.

История со Сбербанком¹

Очень значимым в кадровом отношении было назначение в октябре 1996 года нового председателя Внешэкономбанка А. Л. Костина. То же самое можно сказать и о появлении в январе 1996 года на должности руководителя Сбербанка А. И. Казьмина.

1996 год был непростым, его связывают в частности с расцветом так называемой «семибанкирщины», приватизационных аукционов. Неудивительно, что и Сбербанк попал в поле внимания частных интересов. В бурной дискуссии вокруг судьбы Сбербанка приняли участие в том числе и многие коммерческие банки (в первую очередь, разумеется, те, которые собирались приобрести некоторую долю в Сбербанке).

Один из сторонников приватизации Сбербанка — основатель Столичного банка сбережений А. П. Смоленский — в конце 1995 года даже «прописал»

¹ Использован рассказ С. К. Дубинина в интервью Д. Симонову «Сбербанк. Спецназначение». Прямые инвестиции. № 11. 2007.

ся» в Центробанке России, на Неглинной, 12. Удивительно, но «независимо-му» от каких-либо государственных должностей банкиру был предоставлен в ЦБ кабинет. Более того, ему носили отчёты о работе Сбербанка. О скором назначении Смоленского на пост председателя Сбербанка говорили как о деле решённом. Приход в банк сторонника приватизации, олигарха, означал бы завершение государственного периода развития Сбербанка.

Уже через короткое время после своего назначения я получил от премьера В.С.Черномырдина информацию, что в администрации президента решили, что Смоленский должен как эффективный менеджер частного банка включиться в работу и помочь Сбербанку. При этом он согласен поступить на государственную службу. Мне предложили поговорить со Смоленским. После разговора понятно стало, что Александра Павловича устраивал только один пост — председателя правления или президента.

Ситуация складывалась очень непростая. Сбербанк несёт огромную социальную нагрузку. Понятно, что вклады обесценены бушующей инфляцией, но здесь есть хотя бы формальное объяснение, да к тому же имеются какие-то решения по компенсациям. А уверенности, что именно Смоленский будет наилучшим образом обеспечивать социальную защиту вкладчиков, у меня не было никакой. Скорее наоборот. Я попытался объективно оценить ситуацию, в полагающейся форме сделал запросы о Смоленском в ФСБ, возглавляемую тогда М. И. Барсуковым, в Министерство внутренних дел. Поток информации был очень противоречивый, но из документов следовало, что такому человеку ни при каких обстоятельствах нельзя доверять пост председателя государственного банка.

Договорились о встрече в Кремле с Александром Васильевичем Коржаковым, просто для беседы за жизнь. Я понимал, что этот визит неизбежен. В приёмной Коржакова на диванчике скромно сидел Борис Абрамович Березовский. Прохожу мимо, поздоровались. После нескольких минут разговора Коржаков предложил выпить, достал на тарелочке сальце, закуску, водки налил. Подошёл его заместитель по службе безопасности президента генерал Георгий Георгиевич Рогозин, мужик неглупый вроде как, но специалист по астрологии, хиромантии, в КГБ и в ФСБ он заведовал парапсихологическими лабораториями. Выпили втроём водки, закусили. Александр Васильевич счёл возможным пошутить: «Вот видишь, я ж тебе говорил, что Дубинин русский, а ты всё — жид, жид... Видишь, свининкой-то хорошо Сергей Константинович закусывает». При этом Борис Абрамович Березовский, еврей, крещёный, правда, сидит за стенкой. По ходу дела разговор идёт про другого еврея, про Смоленского, говорится что он, мол, хороший банкир, надо его поддерживать. Причём всё в нейтральной форме, без всякого давления.

После этой встречи я описал Черномырдину всю противоречивость фигуры господина Смоленского. Виктор Степанович на это сказал: «Смотри,

но вопрос решается у президента». Я ответил: «Давайте я доложу президенту, что надо ещё раз проверить всю негативную информацию на кандидата». И обратился к Барсукову уже напрямую, говорю: вот ваши сотрудники пишут то-то и то-то. Как вы-то относитесь к этому человеку? Он, подумав, сказал мне однозначно: «Я считаю, что его близко нельзя подпускать к Сбербанку. Если вы такую позицию займёте, я вас поддержу». Мне показалось, что за спиной образовалась достаточная поддержка, и изложил свой взгляд на этот вопрос в докладной записке президенту. В ней говорилось, что с учётом всех взвешенных обстоятельств на пост председателя правления Сбербанка я предлагаю кандидатуру А. И. Казьмина.

И здесь неожиданно бурно проявил себя управделами президента П. П. Бородин. Сначала он со мной пытался говорить: мол, Смоленский — это же замечательно, мы с ним столько лет работаем, у него банкоматы стоят и в Госдуме, и в администрации президента, он классный банкир. При этом Павел Павлович долго меня расспрашивал, откуда у меня информация о Смоленском; пришлось сослаться на Барсукова.

Переломным для Сбербанка стал январь 1996 года. На 23 января было запланировано внеочередное собрание акционеров Сбербанка России. Рекомендовать кандидатуру на пост главы Сбербанка должен был сам ЦБ (что означало автоматическое избрание). По регламенту перед решающим собранием вопрос о кандидатуре А. И. Казьмина обсуждался на совете директоров ЦБ России 17 января 1996 года, после которого надо было выносить кандидатуру на совет директоров Сбербанка. С прежним председателем Сбербанка О. В. Яшиным у меня тоже был разговор — о том, что он должен уйти. Не слишком приятная беседа, но тут уж всё было реально в моей власти как руководителя Центрального банка Яшин, собственно, не спорил.

Во время совета директоров ЦБ, когда обсуждался этот вопрос, мне сообщают: на прямой связи президент Ельцин. Я, естественно, без разговоров пошёл в отдельный кабинет. Борис Николаевич сказал: «Да, я согласовал вами предложенное решение, но ещё раз хочу спросить, насколько вы уверены в его правильности. Справится ли человек, которого вы сейчас назначаете?» Я отвечаю: «Абсолютно уверен, решение совершенно правильное». Ельцин говорит: «Позовите министра финансов». А он в совет директоров Центрального банка входит по должности...

И вот зашёл В. Г. Пансков, я даю ему трубку и говорю, что выйду. Владимир Георгиевич останавливает меня: «Нет, оставайтесь». И чётко отвечает президенту: «Да, я знаю Казьмина, работаем вместе, достойный специалист». После этого возвращает трубку мне. Борис Николаевич спрашивает уже меня: «Что ж, вы понимаете, что это ваша персональная ответственность и за дальнейшее будете отвечать вместе с Казьминым. Понимаете масштаб этой ответственности?» Я отвечаю: «Абсолютно всё понимаю, это моё созна-

тельное решение». «Хорошо, я доверяю вашему решению», — говорит Ельцин, и разговор заканчивается. После этого совет директоров Центробанка одобряет кандидатуру Андрея Казьмина. Оставалось лишь утвердить это решение на внеочередном собрании акционеров Сбербанка 23 января.

Но и тут противники не успокоились. Вскоре раздался звонок уже от М.И. Барсукова: «Мы здесь сидим, совещаемся, у меня Казьмин, Бородин, так вот Андрей Ильич говорит, что вовсе не горит желанием работать в Сбербанке». Потом выяснилось, что там же был и Коржаков. Я не стал дальше вдаваться в подробности и заявил: «Слушай, давай я к вам, к тебе (на ты, в советской манере) приеду».

Есть старая присказка, что до революции старший к младшему обращался по имени, к примеру, Васенька, но на «вы». Вы, голубчик, сделайте то-то и то-то. А у нас внедрилась привычка обращаться по имени-отчеству, но на «ты». В такой манере мы с Михаилом Васильевичем и общались. Тыкали друг другу: «Я к тебе приезжаю, давай пропуска». Я немедленно выехал. До Лубянки от ЦБ езды две минуты.

И вот вижу в приёмной Барсукова на диванчике сидит... Борис Абрамович Березовский. А. В. Коржаков и П. П. Бородин начали доказывать, что надо всё-таки назначать Смоленского. А Казьмин пусть будет его заместителем. Позвали его в кабинет. Андрей Ильич говорит: «Я вообще-то получил предложение стать председателем банка. Совет директоров ЦБ мою кандидатуру утвердил. Но я поступлю так, как решит президент». И тут уже надо было не просто сослаться на Барсукова, который был тут же и молча наблюдал на всем этим. Я спросил Михаила Васильевича. И тут он начал меня уверять, что я его раньше неправильно понял и на самом деле Смоленский белый и пушистый «Да, мы изучили, рассмотрели вопрос, не всё так просто и не всё, что написано в документах, подтверждается: много чисто оперативных данных, а фактура может быть и другой. Недостаточно проработано всё», — заявляет директор ФСБ. Не помню, сколько времени мы вели дискуссию. В конце концов предлагаю обратную ситуацию: Андрей Ильич — президент, а заместитель — Смоленский. Посмотрим, как он работает, чтобы было понятно, оправданы ли мои опасения. Дальнейшая история Сбербанка и «СБС «Агро» показала их правильность.

Коржаков дипломатично заметил, что пойдёт выяснять мнение Бориса Николаевича. Продолжать обсуждение стало бессмысленно, расстались за неимением компромиссных вариантов. Потом у меня было объяснение со Смоленским. Я сказал ему в лоб то же самое: «Считаю, что максимум, что возможно, — это предложить вам должность зампреда». Он отказался.

Вскоре назначили дату акционерного собрания и выборов совета директоров Сбербанка, где и была утверждена кандидатура Андрея Ильича Казьмина.

Финансы в массы

В середине 1990-х банки не решали и до сих пор не способны полностью решить свою главную задачу — трансформацию сбережений в инвестиции. По-прежнему то и дело слышны жалобы, что банкам не хватает длинных денег на кредиты. Собственно банк как институт придуман для того, чтобы брать на себя риск трансформировать короткие деньги — депозиты — в длинные. Выбирать заёмщиков и давать им длинные кредиты, понимая, как они этими кредитами распорядятся. Банки не должны кредитовать масштабные проекты, например, возведение крупных объектов, таких как, скажем, Бурейская ГЭС. У банков другие задачи. Строительство объектов национального масштаба нужно финансировать из крупных инвестиционных фондов, которые должны формироваться под конкретную цель.

Такого в России никогда не было. Создавать инвестиционные фонды не получалось по целому ряду макроэкономических причин. Прежде всего, из-за высокой инфляции. При инфляции 1990-х годов вкладывать средства на длительный срок было невозможно: начать с того, что неизвестно, под какие проценты предоставлять кредиты. Банки с самого начала вплоть до 2008 года существовали в условиях процентной ставки, которая была ниже темпов инфляции. Они жили за счёт кредитной и депозитной разницы — маржи. В результате население не имело возможности надолго вкладывать деньги в банки, потому что они там не сохранялись. Населению приходилось нести в банк самые короткие деньги типа платежей, или чтобы сбережения какое-то непродолжительное время просто лежали в надёжном месте, а не дома. Какой финансовый инструмент будет использовать нормальный человек, если его вклад в банке не обеспечивает элементарное сохранение денег? Пойдёт играть в МММ и прочие финансовые пирамиды. Попробовали — не получилось счастья. Соответственно, остаётся только валюта — самый понятный, легко покупаемый и продаваемый ликвидный инструмент именно для сохранения сбережений. Ничего другого за ажиотажем вокруг валютных курсов в России никогда не стояло. В результате стала неизбежной долларизация всей экономики. Плюс высокая инфляция сделала невозможными эффективные капиталовложения на длительный срок. В итоге рассыпается вся экономика. Государство неизбежно проедает текущие доходы, а ни на что другое такая экономическая модель не ориентирована. Все накопления ему тоже приходится делать в иностранной валюте. При этом они не трансформируются во внутренние инвестиции. В лучшем (или худшем — для кого как) случае делаются инвестиции за рубежом. Однако они доступны далеко не каждому.

Как можно было развивать экономику при инфляции 1000%? Именно такая инфляция была в 1992 году в результате взаимозачётов платежей,

который устроил ЦБ в лице Геращенко и Парамоновой. Они дали на это добро. Организатором же и идеологом этого кощунства был заместитель председателя ЦБ Вячеслав Иванович Соловов. Он, кстати, продолжал работать у меня, правда, уже внутренним аудитором. В результате в эти взаимозачёты вбросили такой объём денег, что они-то и разогнали инфляцию до гипертрофированных масштабов. Это ещё хорошо, что она остановилась на 1000%. Могла бы расти дальше, ведь на самом деле для роста инфляции на тот момент не было никаких ограничений. Мы в Минфине — и Б. Г. Фёдоров, и я — были категорически против взаимозачётов. И бороться с их разрушительной практикой для меня стало делом принципа — своего рода идеей фикс.

Поэтому вторым направлением, на котором я рассчитывал в Банке России развернуть боевые действия, была денежная политика, улучшение ситуации в российской макроэкономике. В моей личной рабочей загрузке макроэкономическая стабилизация стояла на первом месте. Изо дня в день, ежечасно этим занимался С. В. Алексащенко. Эта задача включала несколько составляющих. Наиболее остро на повестке дня стояли две проблемы: а) снижение инфляции, предотвращение гиперинфляции, которая угрожала стране, и б) переход к нормальной, принятой во всем цивилизованном мире валютной политике. Оба этих фактора нужно было заставить работать на экономический рост.

Замедлить рост цен власти всё это время были не в состоянии. Тогда большинство людей в стране смирилось с тем, что взрывной рост цен — это что-то неизбежное и органично присущее рыночной экономике. Инфляция размывала не только экономические основы жизни, она подтачивала политическую систему. Люди спрашивали: «За что мы боролись?» Вместе с тем мы понимали, что живём в экономической ситуации, характерной для стран третьего мира. При нормальной, развитой экономике объём денежной массы может быть либо равен объёму ВВП, либо даже превосходить его. И ничего страшного в этом нет. В результате чисто арифметического подсчёта скорость обращения денег может быть равна единице. Деньги там проходят через огромное количество сделок, поэтому рост их объёма не вызывает роста розничных цен. Увеличение предложения денег не страшно, если есть инвестиционный процесс, который по многочисленным каналам забирает и втягивает в себя средства. Поэтому сопоставлять российскую экономику, когда никто ни во что не инвестирует, и экономику, при которой резко растёт основной производственный капитал, абсолютно некорректно и неправильно. В ситуации 1990-х годов, я был убеждён, что именно ограничение денежной массы — это единственный способ добиться устойчивого рубля при средней инфляции. Для себя мы ставили рубеж 10%. К сожалению, мы успели достичь только 11%.

Мы думали, что если бы на какой-то период удалось обеспечить низкий уровень инфляции и стабильный курс рубля, то сразу же начался бы процесс накопления. Курс рубля играл роль «номинального якоря». Вкладывать деньги стало бы рентабельно. Это была задача, которой была подчинена вся наша политика.

Напомню, что в 1995 году на момент моего прихода в ЦБ инфляция составляла 130%. На борьбу с инфляцией мы бросили весь макроэкономический сектор банка. Вся его деятельность, политика, решения были закольцованы на снижении инфляции. За три года, пока я возглавлял ЦБ, её удалось снизить до 11%. Почувствуйте разницу! Даже кризис 1998 года не поколебал уверенность людей в том, что мы можем работать в условиях рыночной экономики без безумной инфляции.

Проблемой в конце января 1996 года было и то, что из-за повышенного спроса населения на иностранную валюту уровень валютных резервов Банка России снизился до критического минимума. Валюты в стране осталось всего на два-три дня интервенций. Девальвации рубля тогда удалось избежать только чудом.

Вместе тем мы понимали, что при низком спросе на рубли прирост валютных резервов Банка России и увеличение объёмов рублёвых эмиссий грозит новым витком девальвации и инфляции. Было ясно, что ЦБ должен обладать регулирующими инструментами, которые позволят оперативно увеличивать либо уменьшать денежную ликвидность. Регулирование необходимо не только на стороне предложения денег, но также и на стороне спроса, необходимы инструменты стерилизации ликвидности. Таким инструментом и стали операции на рынке государственных ценных бумаг.

Следует сказать несколько слов и о так называемом валютном коридоре. Решение о его введении 8 июля 1995 года на три месяца впервые приняли как временную меру ещё при Т.В.Парамоновой. Действовал он до 1 октября 1995 года. Для начала его сделали узким. Затем коридор был продлён до конца 1995 года в пределах от минус 5,7 до плюс 7,5% от уровня курса доллара на 5 июля 1995 года. С 1 января до 1 июля 1996 года был введён новый валютный коридор. С 1 января 1997 года мы его значительно расширили, но это не изменило сути дела.

Вообще мы понимали, что валютный коридор — мера в основном пропагандистская. Коридор позволяет создать иллюзию стабильности, дать людям хоть какую-то уверенность в будущем. Реально же воздействовать на ситуацию способно только удержание курса рубля с помощью валютных интервенций. В свою очередь, стабильность курса зависит от состояния платёжного баланса страны. Положительное сальдо по текущим операциям платёжного баланса, покупка валюты Банком России созда-

вали некоторое подобие currency board, встроенного регулятора предложения денег, который должен быть одним из основных средств борьбы с инфляцией.

Валютный коридор в середине 1990-х годов обеспечил определённую предсказуемость ситуации. Возможно, мы должны были задать коридору большую гибкость, но столкнулись с объективным противоречием нашей финансовой реформы: бюджетный дефицит покрывался средствами с рынка ценных бумаг, а не эмиссией. Доходность же ГКО в валютном исчислении зависела от стабильности курса доллара. Как только курс начинал колебаться, на рынке ГКО начинались паника и сброс бумаг. И правительство тут же начинало нас упрекать в дестабилизации.

Мне с самого начала было ясно, что добиться победы над инфляцией, не изменив ситуации в государственных финансах, не обеспечив пополнения бюджета доходами, невозможно. Если сохраняется колоссальный бюджетный дефицит, который мы пытаемся закрывать короткими займствованиями, то рано или поздно бюджет может не справиться с обслуживанием накапливающегося долга и никакие денежные меры по снижению инфляции проблемы не решат. Наоборот, любые действия в этом направлении создают ещё большие трудности для бюджета. При прогрессирующей инфляции, если кредитовать бюджет напрямую из ЦБ, дефицит будет только увеличиваться. А если прекратить использовать ЦБ для кредитования, тогда надо основательно взяться за сбор налогов. К сожалению, решения последнего вопроса добиться так и не удалось, даже несмотря на предпринятые правительством «радикальные» меры.

К сожалению, плохая собираемость налогов зависела от некоторых специфических факторов, присущих российской жизни, которые никак не зависели от ЦБ — у меня не было ни сил, ни полномочий, чтобы вмешаться, например, в деятельность правоохранительных органов.

В начале 1990-х годов само правительство подавало далеко не лучший пример. Например, предлагали предприятию профинансировать какой-то проект в счёт будущей уплаты налогов или оставить налоги у себя для финансирования очередной инвестиционной программы. Хуже того, до второй половине десятилетия применялись инструменты, снижавшие сбор налогов. Минфин России чрезмерно сконцентрировал усилия на проведении денежных зачётов с привлечением коммерческих банков. При этом отсутствовали должный контроль и учёт за состоянием дел в этой области. Таким образом, фактически были возрождены минфиновские суррогаты типа КЮ, КНО и т. д., которые использовались не для расчистки бюджетных платежей и погашения накопленной недоимки по уплате налогов, а для снижения реальной суммы уплачиваемых налогов. Доходность операций

банков в рамках денежного зачёта составляла 100–200 % годовых против 35–40% на рынке ГКО.

Ряд нарушений, которые в нормальном правовом государстве жёстко пресекаются, в России 1990-х были нормой. Когда я работал в Минфине особого отношения к себе требовал практически каждый регион. Предлагали: вы, московские начальники, оставляете у нас федеральные налоги, зато не перечисляете нам никаких субсидий, мы же на федеральные объекты тратим деньги из оставленных нам налогов. Тем самым полностью терялась всякая управляемость регионами из центра. Было непонятно, сколько налогов собрали в том или ином регионе и какие экономические процессы там происходят.

Лидером в параде экономических суверенитетов в начале 1990-х стала Якутия. Минфин ещё до прихода в правительство Бориса Фёдорова предоставил республике поистине безграничные полномочия. Позже пришлось резко их ограничивать. Амбиции якутского руководства дошли до того, что они подготовили документ по денежному обращению, который предлагал превратить якутское управление ЦБ в независимый центральный банк, создать местный эмиссионный центр, подчиняющийся только местным надзорным органам. На совещании у президента Б. Н. Ельцина мне как министру финансов дали этот документ посмотреть, и у меня непроизвольно вырвалось: «Это именно то, что нам предлагают подписать страны СНГ». Якутские коллеги решили взять пример с бывших республик СССР и финансово отделиться от России. После моей реплики Ельцин выразительно на всех посмотрел и отложил проект указа в сторону. На этом дискуссия по данному вопросу прекратилась, и больше к теме собственных ЦБ в республиках РФ мы не возвращались.

Отказываясь платить налоги, люди оправдывали свои действия различными причинами. В том числе идеологическими, мол, нечего баловать антинародное правительство. Но за пышными фразами оправданий стояли элементарные корыстные интересы. У государства же не было инструментария, чтобы заставить граждан соблюдать закон. Не хватало сотрудников соответствующих служб, а их руководители не могли наладить работу подчинённых. Налоговые нарушения не приводили к судебным процессам с ощутимыми последствиями.

Активность по сбору налогов сдерживали те же взятки, которые в 1990-е годы было принято аккуратно называть административной рентой. Мы выступали на различных высоких совещаниях, обращались друг к другу и к смежным ведомствам с призывами обуздать коррупцию среди чиновников, ведь это из-за их попустительства главными неплательщиками оказались крупные олигархические структуры. Казалось бы, все понимали, что с коррупцией надо бороться. Но это не была задача ни Минфина, ни ЦБ.

Два ведомства, которые создают львиную долю доходов государства, — налоговая служба и таможенный комитет. Справиться с этими монстрами никто не в состоянии до сих пор.

За всё время моей работы была предпринята единственная серьёзная попытка заставить людей платить налоги. 11 октября 1996 года президент подписал Указ «О Временной чрезвычайной комиссии при президенте Российской Федерации по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины (ВЧК)». Председателем комиссии назначили председателя правительства Российской Федерации В. С. Черномырдина. А. Б. Чубайса, который тогда руководил администрацией президента, назначили первым заместителем председателя. Бросили на амбразуру и Б. Г. Фёдорова, поручив ему возглавить налоговую службу.

Несмотря на то что Чубайс в качестве названия нового ведомства предложил использовать аббревиатуру, которая была призвана напугать злых налогоплательщиков налогов, никто не испугался. В результате налоговых поступлений не прибавилось. Казна по-прежнему оставалась пустой.

Попытки наехать на влиятельных налогоплательщиков со стороны чрезвычайной комиссии или других уполномоченных на это служб часто отбивались предпринимателями в судах. Собственно, массовое увеливание от уплаты налогов свидетельствует о слабости государственного аппарата. Если нет мощного и эффективного пресса, налоги обычно не платят. А неумение собирать налоги всегда было самым уязвимым местом российской экономики.

Деноминация и обмен долларов

Деноминация имела больше психологическое, чем практическое значение. Я внёс соответствующее предложение на имя президента. С её помощью мы хотели продемонстрировать, что тренд в экономике изменился. К тому же оперирование гигантскими цифрами сильно затрудняло работу ЭВМ. Вычислительную технику буквально зашкаливало. Стало невозможно считать рубли на калькуляторах. Мы поинтересовались опытом Италии, чья валюта до перехода на евро была сильно девальвирована (1 доллар меняли на 1500 лир). Оказалось, что для компьютерных подсчётов в качестве основной единицы они использовали не лиру, а условную единицу — милю, которая условно заменяла 1000 лир.

Конечно, деноминация не является самостоятельным методом решения проблемы инфляции. С точки зрения мирового опыта её целесообразно проводить, когда финансово-экономические причины роста цен взяты под контроль. Тем не менее мы доказывали и Минфину, и МВФ, что специфика российской инфляции в том, что она основана, в первую очередь, на пере-

избытке денежной массы, поэтому уже принятые нами меры по ограничению количества находящихся в обороте денег принесли свои плоды. Нужно было поставить чисто психологическую точку, дать сигнал, что время высокой инфляции закончилось.

И у меня как председателя Центрального банка, и у большинства моих коллег было большое желание провести первый в истории страны обмен денег, который бы не добавил проблем и неприятностей населению. Особенно меня в этом поддержал мой заместитель — старейшина нашего банковского сообщества Арнольд Васильевич Войлуков. Он отвечал за денежные эмиссии. Мы с ним и другими специалистами чётко проговорили и рассчитали все свои действия. Хотелось доказать самим себе и в первую очередь гражданам страны, что ЦБ способен цивилизованно проводить такие масштабные мероприятия, как деноминация. Ведь до сих пор ни одна денежная реформа не проходила без проблем для народа. Это было естественно, ведь до сих пор каждый обмен денег определённо преследовал меркантильную цель — изъятие денег из накоплений населения. И вот деноминацию 1997 года мы с самого начала рассматривали как способ изменить отношение людей к денежной политике государства. Мы, во-первых, хотели поставить в борьбе с инфляцией жирную точку — причём предельно понятную людям, во-вторых, старались сделать так, чтобы обмен денег оставил после себя позитивное чувство. К счастью, так оно и произошло. Нам удалось полностью избежать даже намёка на конфискацию денег у населения.

Была проделана огромная подготовительная работа, которой занимались лучшие профессионалы своего дела. Напечатали нужное количество купюр, отработали технологию замены старых денег на новые. При этом потребовалось перестроить всю систему бухгалтерских счетов, учёта как внутри ЦБ, так и во всей банковской системе страны. Позже мы не раз анализировали, правильно ли мы поступили. Возможно, не стоило идти на такие масштабные и радикальные преобразования, совмещая переход на новый план счетов с деноминацией. Однако благодаря деноминации нам удалось значительно приблизить отечественную систему учёта к международной. Мы остановились буквально в шаге от введения МСФО. Да, процесс шёл нелегко, и ЦБ, и банкам пришлось заказывать и закупать дополнительное технологическое обеспечение. Самим его налаживать. И с электроникой было сложнее, чем с изготовлением купюр, поэтому основная нагрузка легла на аййтишников, а также на нашего главного бухгалтера Людмилу Ивановну Гуденко (она до сих пор возглавляет департамент бухгалтерского учёта и отчётности ЦБ), зампредов Татьяну Кузьминичну Артёмову, Арнольда Васильевича Войлукова с его командой и Михаила Юрьевича Сенаторова. Планирование и организация деноминации были

возложены на моего первого заместителя Сергея Владимировича Алексашенко, который прекрасно разбирается как в банковских компьютерных технологиях, так и в бухгалтерии. Не менее важно было провести и пропагандистскую кампанию. С этой задачей блестяще справилась Ирина Ясина. Она даже организовала в Историческом музее выставку, посвящённую истории российских и советских обменов денег.

В 1996 году, когда казалось, наконец, наступила долгожданная стабильность, я чуть было не подал заявление об увольнении. Во время очередной встречи с В. С. Черномырдиным в его кабинете Виктор Степанович среди прочих текущих вопросов обратил моё внимание, что подготовлен некий указ президента, который Ельцин вот-вот подпишет. Дело в том, что американцы тогда заменяли старые стодолларовые банкноты на новые. Они ничего не меняли в своей денежной системе, просто вводили в оборот новые купюры. У ЦБ совместно с таможенной службой была отработана технология ввоза долларов в страну. Мы координировали нашу программу действий с послом США Т. Пикерингом. Банк России закупил и поместил в хранилище ЦБ новые американские купюры, и всё было готово, чтобы предоставить их банкам. Однако наше родное ФСБ решило запретить ввозить эти новые купюры на территорию России. По этому вопросу и был подготовлен указ. Позиция главы ФСБ заключалась в том, что там, где появляется Томас Пикеринг (в то время посол США в России), обычно происходит смена правительства. Отсюда он сделал вывод, что дипломат приехал в Россию, чтобы сделать то же самое, и использует для этого обмен купюр.

Я не выдержал. Услышав от Виктора Степановича эту информацию, я сначала онемел, а потом впервые в присутствии Черномырдина начал ругаться: «Да они что, совсем спятили!» — закричал я. Черномырдин объяснил, что замена купюр — происки ЦРУ, и он получил от Барсукова записку, где сказано, что это диверсия. «Какая к чёртовой матери диверсия! — заорал я. — Вы представляете, что сейчас начнётся. Люди бросятся менять старые сто долларов на новые, а всякое жульё будет предлагать свои услуги из-под полы и менять доллары на доллары с большой маржой. Кто-то баснословно разбогатеет, причём на пустом месте, а руководство Центробанка будет выглядеть идиотами». При этом я пригрозил, что, если коллеги не откажутся от своей бредовой затеи, я напишу заявление об отставке. «Участвуйте в этом маразме без меня», — сказал я и уехал из Белого дома. Приехал я домой, благо жил недалеко, на Проточной улице, и залез в ванну. Думаю, всё к лучшему, уволюсь, поеду наконец отдыхать. В тот вечер мне позвонили несколько человек, и каждому я говорил, что не могу допустить такого идиотизма. Наконец в телефонной трубке я вновь услышал голос Черномырдина: «Поезжай немедленно к Барсукову и объясняйся с ним сам».

Я решил на Лубянку сразу не ехать. Заехал в ЦБ, позвонил М. И. Барсукову. Предложил встретиться и разобраться со всей этой «информацией». Михаил Иванович от встречи уклонился и сказал, что прийдёт ко мне своего заместителя Н.Д. Ковалёва. Он, видимо, в этом вопросе полностью ему доверял. Я в свою очередь попросил подъехать руководителя таможенного комитета А. С. Круглова. Уже спокойно, без эмоций я высказал Ковалёву свою точку зрения. Он меня выслушал, задал какие-то вопросы. Потом спросил Анатолия Сергеевича, готова ли таможня обеспечить свою часть работы. К счастью, тот занял чёткую позицию и заявил, что с их стороны всё полностью подготовлено, никаких проблем не возникнет.

После этого Ковалёв созвонился с Барсуковым. Михаил Иванович меня спросил: «Ты лично берёшь на себя ответственность?» Я ответил, что беру. «Ладно, пусть ко мне приедет Ковалёв, мы с ним поговорим». Ковалёв уехал. Ещё в течение нескольких часов они что-то между собой решали. Но я их предупредил, что уволюсь в случае принятия неправильного решения, при этом не буду молчать, а громко и публично объясню, почему я ухожу. Барсуков тогда сказал: «Ладно, давай доложим президенту, что за благополучный результат персонально ручается председатель ЦБ». Так к Ельцину я и не съездил, разговоров с ним на эту тему не вёл. На следующее утро привезли письмо, которое я завизировал. Оно было очень коротким, смысл его сводился к тому, что, несмотря на все выявленные риски, новые купюры необходимо разрешить ввозить на территорию России. Слава Богу, что все со мной согласились. Замена столларовых купюр прошла так же тихо и незаметно, как деноминация. Проблему удалось решить. Осталось понять, кто и зачем её создал.

Правда, банки попытались нажиться на обмене. Они подсунули А. А. Хандруеву бумагу с некими правилами обмена, и он, не согласовав со мной, её подписал. Там была аккуратная по форме витиеватая формулировка о том, что в принципе за работу по обмену купюр банки имеют право получать комиссию. Александр Андреевич пошёл навстречу банкирам, тем самым сильно подставив Банк России. Я ему тогда сказал: «Какая ещё обменная маржа? Ты чего там подписал? Они обязаны принимать бесплатно любые доллары!» Хандруев стал оправдываться, но я заявил: «Саша, ты хотя бы отдаёшь себе отчёт, что выставляешь нас всех идиотами или участниками?» Пресса тем не менее обрушила на ЦБ всё своё негодование, мол, в очередной раз грабят народ, хотят заработать на обмене. В результате на совершенно пустом месте всё-таки возник скандал.

Когда подошло время введения новых долларов, Хандруев, которому я поручил заниматься подготовкой, срочно запросился в командировку. Я спросил, кто будет заниматься важным вопросом вместо него. Он сослался на начальника департамента валютного регулирования В. Н. Мельни-

кова. Однако оказалось, что тот только что лёг в больницу на обследование. Таким образом от решения проблемы устранились те, кто за неё непосредственно отвечал. В результате пришлось поручить это дело заместителю Мельникова — В. Н. Смирнову. Он потом стал начальником другого департамента. Спокойный организованный человек, при его участии всё произошло в рабочем порядке.

Отношения с МВФ

Отдельным направлением работы, тесно связанным с макроэкономикой, мне представлялись отношения с МВФ. В работе с МВФ приходилось учитывать многие политические аспекты. Руководство Фонда относило Россию к так называемым развивающимся странам с рыночной экономикой — Emerging Market Economy Countries. Это не очень нравилось руководству нашей страны, но нас рассматривали именно так. МВФ выработал свои подходы к подобным странам. Фонд охотно давал им чрезвычайные кредиты, но при одном условии: правительства стран-получателей были обязаны проводить согласованные экономические преобразования. Такие программы имели своей основной целью обеспечить макроэкономическую стабильность, сбалансировать бюджетные доходы и расходы, взять под контроль инфляцию. Кредиты МВФ рассматривались в качестве поддержки национальных программ.

Обычно руководители Фонда ставили условие: сначала докажите, что вы что-то делаете, и только после этого мы вступим с вами в переговоры о выделении денег. Как правило, МВФ наблюдал за страной в течение года, убеждался, что там выполняют согласованную с ним программу, и давал кредит. Для нас такой длительный срок был категорически неприемлем из-за острой внутриполитической ситуации. Если бы правительство только объявило, что проводит реформы, в надежде, что через год нам дадут кредит, все его начинания мгновенно похоронили бы консервативные силы внутри страны. Через ту же Думу. Поэтому деньги нам были нужны немедленно. Единственным аргументом, против которого не мог возразить ни один политический оппонент и в Думе, и в аппарате правительства, и у президента, и вообще где угодно, было то, что у правительства под полученные кредиты есть обязательства проводить определённый экономический курс. Если мы не пойдём на такую-то реформу, в бюджете просто не будет денег на конкретные дела.

Я прошёл через это испытание ещё в бытность министром финансов. К счастью, нам удавалось добиваться, чтобы МВФ делал для России исключение. Мы всячески отбивали все попытки руководителей Фонда навязать нам стандартный подход: утром реформы — вечером деньги и мы жёстко

торговались, какие условия для нас приемлемы, а какие нет. Например, считали несерьёзным и неправильным принимать на себя количественные обязательства по сбору налогов, которые мы ещё не умели собирать. Стоило нам один раз что-то пообещать и не выполнить, как России тут же отказали бы в дальнейших траншах кредита. Любой блеф в отношениях с Международным валютным фондом противоречил реальным экономическим интересам страны. Мы убеждали их, что позитивная сторона наших реформ — в их реализуемости. Мы ставим только реальные задачи. Если не умеем собирать налоги, если наши налоговые службы безобразно организованы, то мы об этом говорим прямо и открыто. Улучшение налогового администрирования было одним из важнейших пунктов нашей программы.

Действительно, в 1990-е годы каждое подразделение налоговой службы отвечало за «свой» налог и такого понятия, как единый налогоплательщик, для руководства службы не существовало. Система налоговых служб, занимавшихся крупными налогоплательщиками, сформировалась только в начале нынешнего века. Так, например, работая финансовым директором РАО ЕЭС, я знал, что по всем налогам я веду диалог с конкретным подразделением и его сотрудниками.

Чтобы сбалансировать бюджет, хоть как-то сблизить расходы и доходы и закрывать то и дело возникавшие дыры, приходилось значительно урезать расходы. Мы сами понимали, сокращения расходов не могут быть бесконечными. Да и миссии МВФ постоянно подчеркивали необходимость увеличения доходов бюджета, а не «обрезаний» и «секвестров» расходов, ведь сжатие расходной части бюджета подавляет совокупный спрос, тормозит экономический рост. Понятно, что в этой раскаленной атмосфере классические стандарты МВФ, которые руководство Фонда пыталось навязать России, абсолютно не годились. К счастью, на нас работало два обстоятельства. Главы правительств ведущих западных стран не горели желанием выделять помощь из своих бюджетов и возлагали эту задачу на Международный валютный фонд и Всемирный банк (World Bank). Лидеры стран G-7 с самого начала пришли к выводу, что к России невозможно применять стандарты, действовавшие в отношении стран третьего мира. Возможно, их беспокоил наш ракетно-ядерный потенциал. Во всяком случае и заместитель министра финансов, а позднее министр США Ларри Саммерс, курировавший международные финансовые отношения, и его коллеги из европейских стран соглашались, когда мы убеждали, что Россия — это особый случай.

Огромную роль сыграла позиция, которую занял лично директор-распорядитель Международного валютного фонда Мишель Камдессю. Его позитивное отношение к России значительно облегчало переговоры. При всей сложности контактов и с руководством МВФ, и лично с Камдессю нужно отдать должное директору-распорядителю и выразить ему благодарность.

Не меньшее значение имели и наши отношения с заместителем Камдессю Стэнли Фишером — американским экономистом первого ряда, классиком неомонетаризма. Сейчас он президент Центрального банка Израиля. С ним мне приходилось часто общаться. В разговорах мы затрагивали в основном профессиональные темы. К счастью, обе стороны — и мы, и представители МВФ — говорили на одном экономическом языке. Для Фишера и его коллег было абсолютно понятно, что мы делаем и о чём просим. Ещё в начале 1990-х годов у него установились тесные взаимоотношения с Гайдаром. Когда Фишер приезжал в Москву, он каждый раз встречался с Егором Тимуровичем и интересовался его мнением о том, что делаем мы. Гайдар нам помогал. Конечно, он далеко не всегда соглашался с тем, что мы делаем, но в целом подтверждал, что страна идёт курсом, за который её руководство способно отвечать.

На первом этапе Камдессю с большим недоверием относился к нашим политическим преобразованиям. У меня осталось внутреннее убеждение, что он не верил, что в России в обозримом будущем сложится та самая демократия, которую хотелось бы видеть самим россиянам и нашим западным партнёрам. При всём том руководство МВФ никогда не ставило нам никаких политических условий. Люди, которые думают, что Фонд старался навязать какие-то демократические ценности, глубоко ошибаются. Стоит прочитать его устав, чтобы убедиться, что это просто невозможно. Нам даже никогда не намекали на какие-то политические условия или изменения. Международный валютный фонд и Всемирный банк всегда требовали от своих заёмщиков придерживаться определённого экономического курса, который сейчас принято называть неоконсервативным и монетаристским.

В случае с Россией МВФ столкнулся с необходимостью принять ключевое решение, определить, что в данном случае первично — преобразования или кредитные линии? Нужен ли год наблюдений за исполнением согласованной программы, перед тем как будет выделен первый транш кредита? Ответ на этот вопрос во многом зависел от Камдессю. В результате, достаточно глубоко познакомившись с нашей страной, он сделал свой выбор. Не сомневаюсь, что решающую роль в этом сыграло его тесное общение с В.С. Черномырдиным, перешедшее, как я думаю, в искреннюю дружбу. Именно Виктор Степанович сумел внушить Камдессю уверенность в том, что Россия находится на правильном пути и все согласованные с МВФ обязательства будут рано или поздно выполнены.

Камдессю общался со многими людьми — руководителями нашей страны. Он привык, что рафинированные интеллектуалы на идеальном английском объясняли ему, что они собираются делать. При этом Камдессю прекрасно понимал, что это всего лишь один слой руководства. И его

больше убеждали беседы с «красным директором», который, как никто другой, знал российскую действительность. Он хорошо изучил биографию Виктора Степановича, поэтому, когда тот говорил, что мы это сделаем, для Камдессю его слова были мнением другой, глубинной, настоящей России. В результате он доверял Черномырдину гораздо больше, чем Чубайсу или Гайдару. И хотя таким разным людям, как Камдессю и Черномырдин, было невероятно сложно найти общий язык, им это прекрасно удалось сделать.

Директор-распорядитель МВФ прекрасно понимал: далеко не все руководители советского периода смогли так же, как Черномырдин, понять новую рыночную реальность и включиться в работу в новых условиях. Мишель Камдессю часто возвращался к одной своей встрече в Государственной думе с депутатами различных фракций. После выступлений сторон стало ясно, что делегация МВФ и большинство депутатов просто не понимают друг друга, говорят на разных экономических языках.

Пытаясь проиллюстрировать свои сомнения в работоспособности рыночной экономики, председатель комитета Думы по экономике Юрий Маслюков взял со стола бутылку с минеральной водой и спросил Камдессю, ну кто же всё-таки в этом самом рынке будет принимать решение, сколько стоит бутылка этой минералки.

В 1990-е годы в мире ещё не была широко распространена практика неформальных встреч руководителей. Однако Черномырдин стал приглашать Камдессю с собой на охоту. Как рассказывал директор-распорядитель, до встречи с российским премьером он охотился единственный раз в жизни — когда служил во французских войсках во время войны в Алжире. Однажды их часть отрезали от снабжения, и французские солдаты были вынуждены самостоятельно добывать пропитание, стреляя разную дичь.

Первый раз Камдессю отправился на охоту зимой 1993 года в Завидово, где его ждал Черномырдин. Я с ними не поехал, хотя возглавлял переговоры. Позже сопровождавшие Камдессю люди рассказывали мне, что, пока они ехали, стемнело. Проезжая через какую-то деревню, Камдессю увидел, что в одной-единственной избе горит свет. Вокруг была кромешная темнота. Неожиданно он попросил остановиться. Его спутники не поняли, что он хочет. Камдессю захотел зайти и посмотреть, кто живет в этом доме — обычной бревенчатой избе, и если можно, поговорить с его обитателями. Постучались, спросили разрешения войти. Оказалось, что в избе жил одинокий мужчина, бывший военный, а ныне пенсионер, подполковник в отставке. Всё небольшое помещение было заполнено книгами. Хозяин не знал иностранных языков, Камдессю тоже не говорил по-русски, зато достаточно хорошо знал русскую культуру. В результате они больше часа пили чай, через переводчика говорили о русской литературе и обсуждали текущую политическую ситуацию. Камдессю был потрясён эрудицией простого русско-

го военного и впоследствии в разговорах со мной не раз упоминал об этой встрече. Мне кажется, она произвела на него неизгладимое впечатление и косвенно способствовала принятию решения о предоставлении кредита. Он понял, что русские близки европейцам по мировоззрению. В какой ещё стране можно в глухомани встретить культурного человека, обладающего собственным нестандартным взглядом на самый широкий круг вопросов.

Камдессю возили на охоту и в другие хозяйства. Несколько раз я его сопровождал. Мы прикармливали кабанов и косуль, стреляли со специальных вышек. Наш гость несколько раз кого-то подстрелил. Потом все вместе разводили костёр, вокруг которого садились, выпивали, закусывали охотничьими трофеями, вели разговоры, в том числе на политические и экономические темы. Однажды парились в бане. Я, как водится, предложил иностранцам прыгнуть после парилки голыми в снег. Ни Камдессю, ни сопровождавший его начальник департамента МВФ Джон Одлинг-Сми (John Odling-Smee), шотландец, занимавшийся Россией, на такой «подвиг», естественно, не отважились. В результате в снег пришлось прыгать мне. Они смотрели на наши национальные забавы с обычным в таких случаях изумлением.

Конечно, среди позитивных впечатлений, которые давали Камдессю пищу для размышлений, была и личность Виктора Степановича. Черномырдин был как раз из категории русских людей, пробившихся из низов на самый верх, которые были Камдессю особенно интересны. Однажды он уточнил у меня, как обращаются к Виктору Степановичу люди, с которыми у него одновременно и рабочие, и дружеские отношения. Обращаться по протоколу — господин Черномырдин или по имени — Виктор он не хотел. Чувствовал, в этом что-то не то. Поэтому спросил у меня: «Как обращаетесь к Черномырдину вы?» Я ответил: «Очень просто. Виктор Степанович». Камдессю специально выучил это сочетание, как ни сложно ему было это произносить. С тех пор всегда обращался по имени-отчеству.

Особые отношения сложились у Камдессю и с иерархами Русской православной церкви. Он неоднократно встречался с патриархом Алексием II и вообще проявлял интерес к общению с духовными лицами. Ведь он был тонким знатоком истории Византии. Видя его внимание к этой теме, мы предложили Камдессю поехать в Троице-Сергиеву лавру осмотреть храмы и музей при духовной академии. Поездка превзошла все ожидания. Нас принял её ректор. Мы попали в Великий пост, поэтому ничего шикарного на столе не было. Всё предельно скромно. За стол мы сели после того, как нас провели по музею. В нём есть закрытые, недоступные широкой публике помещения, где хранятся прекрасные иконы, исторический антиквариат и даже светская живопись. По ходу рассказа монаха-экскурсовода я впервые убедился, насколько глубоко Камдессю разбирается в искусстве и истории России.

Он обращал внимание на наиболее важные экспонаты. Задавал вопросы о событиях Смутного времени, о роли в них патриарха Гермогена. Во время скромного застолья разговор вышел за пределы чисто российской тематики. Он вступил с батюшками в содержательный диалог об исихазме, природе фаворского света. Как знаток византийской истории, Камдессю был, что называется, в теме и получал от беседы нескрываемое удовольствие. Такие встречи и диалоги делали его представления о России более глубокими.

Позже, уже в другие приезды, он неоднократно встречался с патриархом Алексием II — невероятно обаятельным в личном общении и интересным человеком. В первый раз они начали разговор с обсуждения художественной литературы. Тогда мы попали к патриарху во время Масленицы, Алексей нас принял после того, как отслужил литургию. Встреча продолжалась недолго. В связи с Масленицей Алексей вспомнил рассказ Чехова о том, как француз приехал в Москву во время блинной недели, зашёл в трактир и ужаснулся при виде того, как люди пытаются покончить с собой самым чудовищным способом — через обжорство. Француз попытался утешить сидящего напротив человека, говорил, что я всё понимаю, вам, наверное, приходится тяжело и вы хотите уйти из жизни, но зачем же делать это таким зверским способом. На что тот невозмутимо ему объяснил, что в этом трактире он всего лишь наскоро перекусил, а обедать пойдёт в другое, более солидное место.

В тот раз патриарх рассказал о планах по возрождению церкви, какие храмы и монастыри реставрируются. Политические вопросы на встречах с патриархом ни разу не затрагивались. Такое непринуждённое неформальное общение создавало совсем другой уровень взаимопонимания.

В целом отношения с МВФ были достаточно многоплановые, сильно детализированные и непростые. Важную роль играли непосредственные представители МВФ в Москве. У Фонда есть специалисты-кураторы по каждой стране. Когда я работал в ЦБ, Россию курировал японец Юсуки Харигучи — чиновник международного масштаба, в основном работавший за пределами Японии; затем аргентинец Хорхе Маркес-Руарте. Долгие годы и очень плодотворно работал с российскими коллегами Мартин Гилман.

Перед выборами 1996 года и после

Многие проблемы Центрального банка в 1996 году возникли из-за предстоящих президентских выборов. С первых дней работы в должности руководителя я был вынуждён столкнуться со связанными с этими вопросами. По мере приближения выборов они нарастали в геометрической прогрессии. Правительство не хотело ссориться с налогоплательщиками, поэтому не слишком строго относилось к сбору налогов. Но одновременно правительство

давило на ЦБ, пытаясь получить деньги для бюджета. Не зная, что ждёт Россию в будущем, многие имеющие средства россияне пытались перед выборами перевести рубли в доллары. Экономика столкнулась с избытком денег, которые выплеснулись на валютный рынок. Валютные интервенции за второй квартал 1996 года составили около 3 млрд долларов. Мы почувствовали, что теряем контроль над денежной сферой. Наконец правительство потребовало от нас перечислить в бюджет 10 трлн рублей в счёт прибыли ЦБ. Но это были уже эмиссионные деньги. Понятно, что с их помощью мы бы только подкачали инфляцию.

21 мая 1996 года я направил президенту письмо, где заявил о невозможности дальнейшего накачивания экономики рублями.

«В настоящее время золотовалютные резервы Банка России составляют 16,6 млрд долларов, из них золото в слитках на сумму 2,7 млрд долларов. Как Банк России уже информировал Вас ранее, наиболее существенная часть его валютных резервов, 7,5 млрд долларов, размещена в высоколиквидные доходные активы на мировом финансовом рынке, и именно эта часть валютных резервов используется Банком России для поддержания курса рубля на внутреннем валютном рынке.

Приближение выборов и ожидание возможных перемен в политической и экономической жизни России резко активизировало спрос на иностранную валюту. Если на протяжении августа-марта Банку России удалось удерживать свои валютные резервы практически на одном уровне (объём продаж на внутреннем рынке составлял не более 200 млн долларов), то в апреле Банк России продал на внутреннем валютном рынке около 1800 млн долларов и ещё 870 млн долларов были проданы за первые двадцать дней мая.

Анализ показывает, что спрос на иностранную валюту в ближайшие недели не уменьшится и потребует от Банка России продажи 0,8–1 млрд долларов в период до конца мая, в первые две недели июня спрос на иностранную валюту может составить 1,5–2 млрд долларов, а между первым и вторым турами президентских выборов ещё 2–3 млрд долларов. Источником рублёвой ликвидности в этом случае будут средства населения и средства, выводимые с рынка ГКО-ОФЗ.

Эмитирование в этой ситуации Банком России 10 трлн рублей для нужд бюджета в мае (эквивалент 2 млрд долларов) резко обострит ситуацию на валютном рынке. Если вдобавок предположить, что в жизни России произойдут какие-то сильные потрясения, которые проявятся в росте алармистских настроений населения, ещё один всплеск доходности на рынке ГКО-ОФЗ, то последствия этого могут стать поистине катастрофическими: продажа всего лишь 10% «совокупного портфеля» ГКО означает эмиссию 10 трлн рублей, а масштаб ажиотажной «потребности» населения

в наличных рублях, снятых с вкладов, даже трудно оценить — он может измеряться суммами в 2–3 трлн рублей в день.

Если же эмиссионная деятельность будет происходить в интересах бюджета или неосторожные действия, или заявления дестабилизируют экономическую ситуацию, то это поставит под угрозу возможность удержания курса рубля в объявленных рамках между двумя турами выборов. Следовательно, накануне решающего выбора Россия может получить девальвацию рубля, что, безусловно, будет расценено как провал всей экономической политики. Совершенно очевидно, что повышенная эмиссионная активность, особенно залповая, в существенной мере сможет изменить инфляционные тенденции на сначала плавно, а затем и быстро повышательные.

Таким образом, за пять-шесть недель Россия может растерять всё то, чего она достигла за четыре года упорного движения вперёд, всё то, чем может и должно гордиться правительство, всё то, что составляет результат экономической политики. В этой ситуации Банк России считает своим долгом сделать всё возможное, чтобы предотвратить такое развитие событий, обеспечить стабильность экономической ситуации и курса национальной валюты».

В ответ на моё письмо по инициативе Минфина 22 мая 1996 года был принят Указ президента о перечислении Центральным банком 5 трлн рублей в федеральный бюджет. Этот документ настолько противоречил Закону «О Центральном банке», что мы собрали совет директоров ЦБ. Поскольку я в то время лечился в ЦКБ, заседание провели в моей палате. В результате единогласно решили отказаться выполнить требование президента.

27 мая я написал официальное письмо В. С. Черномырдину, где обосновывал наши действия.

«Банк России крайне обеспокоен положением, сложившимся с исполнением федерального бюджета в 1996 г.: существенное сокращение поступления налогов в денежной форме и бремя платежей по внутреннему и внешнему государственному долгу не позволяют Минфину России финансировать не только плановые назначения бюджета, но и даже первоочередные платежи федерального бюджета. Развитие событий за последние 13–15 месяцев шло таким образом, что не могло привести к иному положению бюджета. Перечислим наиболее значимые действия последнего года, которые непосредственно воздействовали на бюджет.

— Широкое распространение практики выдачи Минфином России налоговых освобождений, что стало формой «проедания» будущих доходов. Только за первый квартал 1996 г. Госналогслужбой принято от налогоплательщиков налоговых освобождений на сумму 16 трлн рублей, которые, очевидно, были потрачены Минфином в 1995 г. и не были отражены в бюджете прошлого года.

- Отказ налоговых органов от борьбы за получение налогов (практически не было случаев банкротства предприятий за неуплату налогов) и перемещение основных усилий на строительство цепочек налоговых зачётов.
- Принятие декларации о строительстве таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном и снятие таможенных границ с этими государствами, что привело к появлению существенного по своим объёмам бизнеса, основанного на изъятии ресурсов российского бюджета, связанного с более низким уровнем налоговых и таможенных платежей в этих странах по сравнению с Россией.
- Активное применение Минфином практики выдачи гарантий и поручительств по краткосрочным кредитам, привлекаемым от коммерческих банков, что также не находит отражения в текущем бюджете, а проявляется только в момент проведения расчётов с банками.
- Возложение на Минфин обязанности по одновременному финансированию расходов текущего и прошлого годов, а также расходов, не включённых в бюджет ни прошлого, ни нынешнего года.
- Массированная выдача налоговых отсрочек и налоговых кредитов за счёт федерального бюджета различным предприятиям и регионам в текущем году.
- Фактическое принятие Минфином России на себя ответственности за состояние региональных бюджетов, массированная выдача бюджетных ссуд и прямых ассигнований для их подкрепления без какой-либо возможности оказать давление на снижение расходов этих бюджетов.

В результате за последние месяцы Минфин России оказался в состоянии получать налоговых поступлений в денежной форме в сумме, не превышающей 40% расходов федерального бюджета. Однако уже в конце марта поступающих источников Минфину стало всё равно не хватать, и последовала серия крупных прямых заимствований Минфина у коммерческих банков, что дестабилизировало рынок ГКО. Таким образом, был подрублен сук, на котором сидел бюджет: поступления в бюджет от реализации государственных бумаг резко сократились. Совокупная «поддержка» бюджета Банком России только за последние два месяца превысила 8 трлн рублей, что сопоставимо по размерам с месячными доходами бюджета.

В этой ситуации многими правительственными чиновниками в качестве единственного возможного выхода из создавшейся ситуации стало называться ещё более активное получение бюджетом денег от Банка России в самой различной форме (покупка алмазов, получение кредитов правительством под залог валютных резервов Банка России, перечисление несуществующей прибыли Банка России, вложения в рынок ГКО через нерезидентов и т.д.).

Однако представляется, что авторы данных предложений не утруждают себя анализом последствий такой политики или не выходят в своём анализе дальше конца текущего месяца. На самом деле реализация предлагаемой политики не только не облегчит положение бюджета и правительства, но и может подорвать в течение месяца все наиболее очевидные успехи экономической политики последних лет — низкий уровень инфляции и стабильность курса рубля. Столь пессимистический прогноз строится на следующем.

Во-первых, жизнь России не заканчивается 31 мая или 16 июня, а не улучшающаяся ситуация с налогами позволяет уверенно прогнозировать новый раунд бюджетного кризиса в июне, а затем в июле, августе и т. д.

Во-вторых, как показал опыт марта-апреля, даже столь значительные суммы кредитов, полученные от Франции и Германии (более 12 трлн рублей), не смогли облегчить проблемы бюджета, поскольку после погашенной задолженности по зарплате появилась задолженность по пенсиям, затем задолженность по оборонному заказу прошлых лет, затем по оборонному заказу этого года, затем по поддержке села. Отсутствие жёсткого контроля за расходованием средств бюджета, принятие множества расходных решений, не включённых в бюджет текущего года, создаёт постоянно растущую потребность в средствах на финансирование расходов и столь же прогрессивно растущую задолженность бюджета.

Принятие в этих условиях решений, направленных на усиление эмиссионной активности Банка России в пользу бюджета, приведёт к окончательному срыву программы, согласованной с МВФ, приостановлению выдачи кредитов со стороны этой организации, дестабилизации внутреннего валютного рынка и рынка государственных ценных бумаг. Всё это может поставить под угрозу стабильность рынка государственных ценных бумаг и возможность удержания курса рубля в объявленных рамках «валютного коридора» между двумя турами выборов. При таком развитии событий, которого не исключают даже сторонники предлагаемых мер, накануне решающего выбора Россия получит крах финансового рынка и девальвацию рубля, что, безусловно, будет расценено как провал всей экономической политики. Совершенно очевидно, кроме того, что повышенная эмиссионная активность, особенно залповая, в существенной мере сможет изменить инфляционные тенденции на сначала плавно, а затем и быстро повышательные.

Таким образом, в качестве возможной платы за решение сиюминутных проблем бюджета предлагается потеря всего того, чего Россия достигла за четыре года упорного движения вперёд, всего того, чем может и должно гордиться правительство, всего того, что составляет результат его экономической политики.

В этой ситуации Банк России считает своим долгом сделать всё возможное, чтобы предотвратить такое развитие событий. Решение расход-

ных проблем бюджета не должно привести ко всеобъемлющему финансовому кризису. В рамках бюджетной политики есть немало шагов, которые могут облегчить положение бюджета. Банк России, в частности, считает крайне необходимым:

- Активизировать работу налоговых и таможенных органов, сделать достоянием гласности случаи уклонения от уплаты налогов, добиться от судов более жёсткого подхода к нарушителям закона по этим основаниям, возбудить несколько громких дел о банкротстве предприятий — неплательщиков налогов;
- Ограничить расходы федерального бюджета имеющимися ресурсами (налоговые доходы, заимствования на рынке ГКО-ОФЗ, кредиты МВФ);
- Прекратить выдачу налоговых освобождений и налоговых кредитов;
- Провести переговоры с банками, у которых были получены кредиты или которым были выданы гарантии, подлежащие погашению в мае-июле, об их пролонгировании на 6–9 месяцев со снижением размера процентных платежей;
- Прекратить раздачу расходных обещаний, тем более что даже выделенные сегодня средства не успеют дойти до мест к моменту выборов, а тем более повлиять на ситуацию».

Противостояние с правительством закончилось тем, что в течение всего одного дня, 6 июня 1996 года, Дума приняла в трёх чтениях, а президент подписал закон, предписывающий Центральному банку перечислить в федеральный бюджет 5 трлн рублей.

Закон есть закон. Пришлось выполнить его требования.

Самым печальным было то, что острота ситуации не снизилась и после выборов. Правительство так и не смогло проявить политическую волю и, в частности, наладить сбор налогов. Это потребовало от ЦБ соответствующей стратегии. К сожалению, выстроить её так, чтобы избежать кризиса 1998 года, не удалось.

В начале 1996 года, зимой, после очередной охоты с участием зарубежных гостей мы с Черномырдиным остались вдвоём. Гости отправились спать, а Виктор Степанович задал мне вполне логичный в той ситуации вопрос: «Как ты считаешь, куда всё катится?» Я честно ответил, что, если всё будет продолжаться так, как сейчас, выиграть предстоящие выборы невозможно. Предвыборная кампания начинается совершенно неправильно. Тогда уже на всю страну прогремела история со сбором подписей, которые организовывал Сосковец со своим предвыборным штабом. Его штаб не только не смог убедить людей поставить свои подписи за Б. Н. Ельцина, он не смог даже воспользоваться для этого административным ресурсом. Люди отказывались участвовать в сборе подписей. Я откровенно тогда сказал Виктору Степановичу, что мы встали на заведомо проигрышный путь.

Администрация президента своими действиями сама провоцировала всеобщее недовольство. Самым опасным было то, что стала открыто обсуждаться тема отмены выборов. Те же люди, которые фактически похоронили предвыборную кампанию, предлагали Ельцину ввести чрезвычайное положение. Если это бы случилось, понятно, в чьих руках оказалась бы власть. Я посоветовал Черномырдину, несмотря ни на что, попытаться довести до президента, в какую ловушку его заманивают. Лично я тоже был готов поговорить с президентом на эту тему, но вряд ли бы мне это удалось.

Нельзя сказать, что Виктору Степановичу пришёлся по душе мой монолог. Он ведь тоже прекрасно понимал, что происходит. Так что мы оба пришли к выводу, что надо что-то делать, но что, было не понятно.

Вскоре в феврале 1996 года я полетел в Давос. Я был членом российской делегации, но дела складывались так, что мне пришлось лететь отдельно от всех — по пути нужно было заехать в Цюрих. Потом мои коллеги рассказали, как их встречали. В аэропорт подъехал посольский автомобиль и автобус. В автомобиль усадили Геннадия Андреевича Зюганова и персонально, со всеми почестями повезли в гостиницу. А глава делегации — заместитель председателя правительства и министр экономики Е. Г. Ясин сел со всей группой в автобус. Сразу стало понятно, как оценивают происходящее в стране в МИДе и кого видят в качестве будущего лидера¹.

Ещё нагляднее та же тенденция проявилась на форуме. Правительство представляли Е. Г. Ясин и я, общественность — Б. Г. Фёдоров, А. Б. Чубайс, Г. А. Явлинский. тогда не занимавшие никаких государственных постов. Анатолия Борисовича незадолго до этого президент со словами «Во всём виноват Чубайс» отправил в отставку. Давос — городок небольшой, по мероприятиям нас развозили специальные автобусы. Во время наших бесконечных встреч, как индивидуальных, так и коллективных, первое, что бросалось в глаза — это повышенное внимание западных участников форума к Зюганову. Вокруг него постоянно толпился весь западный бомонд. Было очевидно, что всем уже ясен исход российских выборов и политики интересуются личностью будущего президента. Конечно, их можно понять: они пытались выяснить, с кем им предстоит в ближайшем будущем иметь дело.

К чести Зюганова, он вёл себя дипломатично. На все вопросы отвечал продуманно и сбалансированно, говорил разумные вещи без всякого намёка на экстремизм. Зарубежной аудитории понравилось, как он себя подаёт и держится. Ко мне подошёл Маршалл Голдман, известный специалист по России. В советское время он написал несколько книг о нашей стране, даже приезжал на экономический факультет МГУ, когда я там работал. В 1996 году Голдман был ведущим консультантом печально

¹ Странно! Зная патологическую злопамятность Б. Н. Ельцина сложно представить, чтобы посол после этого не был снят. А А. И. Степанов проработал до октября 1999 года. — *Прим. авт.-сост.*

Сергей Константинович Дубинин

Кремль, награждение
медалью «850-летие Москвы».
Б. Н. Ельцин и С. К. Дубинин.
1997 г.

известной швейцарской фирмы Noga, которая затеяла судебную тяжбу с российским правительством и пыталась арестовывать наше имущество за рубежом. У меня он вызывал раздражение, потому что я никогда не считал его ни экономистом, ни политологом. После тех выборов он написал очередную якобы разоблачительную книгу, где полностью исказил факты и вообще многое выдумал. После этого мы окончательно поссорились. Но тогда, на форуме мы ещё общались. Голдман стал рассказывать мне и моей супруге, как ему нравится Геннадий Андреевич. Он неплохо говорил по-русски, и наш разговор происходил на смеси русского и английского. Моя жена сказала, что Геннадий Андреевич у нас просто душечка. Голдман спросил, что такое «душечка». Я пояснил, что у Чехова есть рассказ с таким названием. Душечка — это человек, который говорит то, что люди хотят от него услышать. Мы попытались объяснить, что это для вас Зюганов такой, а внутри страны он, получив власть, тут же изменится. Сегодня вы имеете дело с Зюгановым-лайт — экспортным вариантом коммуниста. К тому же главное в том, что не Зюганов будет определять политику, а те, кто за ним стоит.

Лично я к Зюганову отношусь положительно. Недавно он в ток-шоу признался, что в 1996 году коммунисты были уверены в своём превосходстве. За ними стояло большинство населения страны, но их не поддерживали крупные города — в первую очередь Москва и Петербург. И если бы граждане обеих столиц после выборов сказали, что они не хотят реставрации советской власти и отказались бы выполнять распоряжения победителей, в стране мог начаться хаос. На чьей стороне тогда была бы армия? И что если бы власть в конце концов взяли военные? Это вызывало у коммунистов большое беспокойство. В расколотой стране их победа могла стать

историческим поражением. Так что сегодня Зюганов, на мой взгляд, трезво оценивает ситуацию 1996 года.

Посмотрев на ажиотаж вокруг Зюганова, наши олигархи тоже стали проявлять беспокойство, они пытались лавировать. В частности, написали письмо, подписанное 13 крупнейшими представителями бизнеса, о том, что Зюганов не такой страшный, и с ним надо договариваться. Перед отъездом из Давоса я встречался с некоторыми банкирами, спрашивал их напрямую: «Вы отдаёте себе отчёт, к чему мы идём? Вы что, собираетесь сдать без боя?» Гусинский тогда сказал, что у него на эту тему назначена встреча с Березовским и Ходорковским. Я удивился, потому что дело происходило в разгар их «войны», когда они обвиняли друг друга даже в попытках убийства. Хотя на душе у меня было тревожно, я понял, что в головах у этих людей что-то сдвинулось.

Дальше началась предвыборная работа — уже с новым штабом. Олигархи поняли, что президент сделал ставку на демократов. Тогда же не то у Черномырдина, не то у Чубайса родилась идея привлечь к работе дочь Ельцина — Татьяну, потому что только она могла найти общий язык с президентом по тысячам чисто технических проблем предвыборной кампании. Некоторые из представителей новой команды, встречаясь со мной, пытались получить какие-то средства «на избирательную кампанию». Банкиры предложили мне разместить золотовалютные резервы в частных банках, чтобы они управляли ими по своему усмотрению. У меня не только не было желания это делать, наоборот, было ясное понимание, что если на это пойти, то придётся навсегда проститься с программой МВФ. Фонд никогда не согласится с такими действиями ЦБ, будет сорвана вся программа экономической помощи России, дыра в бюджете станет ещё шире. Власти, которые идут на такие меры, пользуются дурной репутацией.

Перемещение золотовалютных резервов полностью сорвало бы всю нашу программу работы с ГКО, и ситуация с финансами окончательно вышла бы из-под контроля. Мы с Алексашенко посоветовались и договорились, что перед банкирами займём позицию категорического несогласия по этому вопросу. Конечно, наши отношения с ними сразу испортились. Они пытались сами или через Татьяну Борисовну убедить президента, что Дубинин чуть ли не срывает выборы. Возникла достаточно напряжённая ситуация. Тем не менее нам удалось выдержать удар. Пришлось объяснить Черномырдину и Ельцину положение дел с ГКО. В результате ни со стороны президента, ни со стороны правительства никакого давления на Центральный банк не было. От нас не требовали средств на выборы, и Ельцин, и Черномырдин прекрасно поняли, что достигнутая хрупкая экономическая стабильность дороже любых денег, которые предвыборный штаб найдёт в других местах.

Нерезиденты на рынке ГКО

На тему либерализовать или нет допуск в Россию западных банков в своё время много спорили. Однако сам по себе объём таких инвестиций оставался незначительным. Решение полностью закрыть им доступ в Россию так и не приняли, несмотря на множество идеологизированных речей в Госдуме. До 1 января 1996 года на этот счёт действовало несколько ограничений. Например, иностранцам запрещалось работать со средствами физических лиц. Потом и это делать разрешили. К моему приходу в ЦБ единственным ограничением оставалась 12-процентная квота от общего объёма акционерного капитала, в рамках которой иностранные инвестиции в банковском секторе могли расти. До моей отставки эту квоту иностранные банки так и не выбрали. В первую очередь из-за российского политического риска. Правда, после выборов 1996 года ситуация немного изменилась — победа реформаторского курса дала инвесторам некоторые гарантии. Неслучайно уже после первого тура серьёзные деньги сразу же пришли на рынок ГКО.

Российское законодательство не запрещало использовать финансовые схемы для вложения денег нерезидентов в ГКО. Что и стало происходить, поскольку уровень доходности вложений в государственные ценные бумаги был чрезвычайно высоким.

Вскоре после совещания у президента было принято решение о допуске нерезидентов на рынок ГКО. Они были на нём и раньше, и поскольку ГКО были рублёвыми, нерезиденты проводили простую операцию: работали либо с российскими банками-партнёрами, либо со своими дочерними компаниями, зарегистрированными в России. На такой основе тогда работали практически все крупные банки и финансовые компании, заслуживавшие доверия. В частности, большим спросом пользовались услуги Объединённой финансовой группы (ОФГ), банков и финансовых компаний Гусинского, Национального резервного банка и многих других. Они использовали валюту, предоставленную иностранными партнёрами, но принимали на себя риски изменения курса рубля. Нерезиденты были заинтересованы в высокой доходности операций с ГКО, но охотно делились ею с теми российскими участниками сделок, которые брали на себя курсовые риски. При этом для всех участников сделок было принципиально важно удерживать относительную стабильность валютного курса, потому что при падении курса рубля можно не получить даже вложенных средств. Вокруг колебаний курса рубля постоянно нагнетался ажиотаж, на грани истерики.

Нерезиденты принесли с собой колоссальные объёмы денежных средств. Было очевидно, что они готовы увеличить свои инвестиции в ГКО. В этой ситуации Банк России предпочёл не перекрывать для нерезидентов возможности вложений, а создать систему контроля и ограничений.

В конце января 1996 года мы разработали схему, которая позволяла чётко фиксировать вложения нерезидентов в ГКО, ограничивать свободу их выхода через заключение обязательных срочных контрактов с Банком России, ограничивать доходы нерезидентов, гарантировать определённый минимум долларовой доходности их вложений. Благодаря этим мерам Минфину России удалось в первой половине 1996 года привлечь 2 млрд долларов для финансирования дефицита бюджета. До конца 1996 года эта сумма удвоилась. Банк России смог несколько увеличить свои валютные резервы.

ЦБ было принято решение превратить «серые» схемы работы на этом рынке во вполне респектабельные, «белые». Иностранцы инвесторы получили возможность заключать сделки форвардного типа непосредственно с Банком России, покупая иностранную валюту на заработанные на рынке ГКО рубли. Однако валютный курс контракта значительно сокращал доходность инвестиций в ГКО.

Российские заграничные банки — Моснарбанк в Лондоне и Евробанк в Париже — стали первыми нерезидентами, которые открыто вложили тогда деньги в ГКО. Они работали через свои дочерние банки — Моснарбанк-Москва и «Еврофинанс». Ю. В. Пономарёв и А. А. Мовчан отработали схему и предложили остальным банкам. Причём её не только не скрывали как коммерческую тайну, а наоборот, всячески пропагандировали, показывая как она работает. Это позволило сделать схему работы с ГКО всеобщим достоянием.

И свою задачу ЦБ видел в том, чтобы удержать курс и не поломать механизм, который был запущен для решения бюджетных проблем в надежде, что наше уважаемое правительство когда-нибудь всё же начнёт собирать налоги. И Россия, наконец, станет страной ответственных налогоплательщиков, а значит, и страной граждан, подлинной демократией. Ведь налоги собираются не для налоговых служб и правительства, а в первую очередь для всего общества. Тот, кто заплатил налоги, не просто отдал долг государству, но приобрёл право требовать от любой части государственной системы исполнения его, государства, обязанностей.

Стабильность же на тот период была самым ценным нашим достижением. В стране, прошедшей через полосу экономических потрясений, наметился скромный, но вполне осязаемый прирост ВВП. Одной из обязанностей Центрального банка, согласно законодательству, было гарантировать макроэкономическую стабильность. Причём она была достигнута за счёт правильности экономического курса. Это обстоятельство высоко оценили и Ельцин, и Черномырдин, одобрявшие политику ЦБ.

В 4-м квартале 1996 года мощный приток средств нерезидентов на рынок ГКО (около 4 млрд долларов за квартал) позволил Минфину временно

решить проблемы бюджетных расходов. В тот момент правительство проводило жёсткую денежную и мягкую бюджетную политику. Но такое сочетание не может быть устойчивым в течение долгого времени. Самой большой бедой России тех лет продолжала оставаться неспособность государства обеспечить достаточный объём налоговых поступлений, которые могли бы профинансировать расходы. Сложилась хроническая зависимость бюджета от долговых источников финансирования своего дефицита.

В первой половине 1997 года приток иностранного капитала на российский финансовый рынок продолжался. Банк России стал накапливать валютные резервы, экономика насыщалась деньгами, уровень процентных ставок снижался (до 20% годовых к осени 1997 года), региональные власти, банки и отдельные предприятия смогли выйти на международные финансовые рынки и привлечь недорогие кредитные ресурсы. Однако положение с бюджетом резко ухудшилось. Неуклонно снижались его доходы, а также налоговые поступления. Сохранялся исключительно высокий уровень дефицита бюджета, особенно по сравнению с уровнем доходов. Отсутствовали некредитные источники финансирования дефицита. Приватизация госсобственности таковым уже быть не могла. Постепенно увеличивались расходы, связанные с обслуживанием долга.

В результате страна потеряла бюджетную устойчивость. Государство не могло сводить концы с концами без постоянного привлечения заёмных денег, а бремя обслуживания долгов оказалось невыносимым для бюджета — сумма платежей по процентам достигла половины собираемых доходов. Россия попала в долговой кризис. Именно неспособность государства контролировать рост расходов, мобилизовать доходы и расплатиться со своими долгами и стала основной причиной 17 августа 1998 года. В качестве долгосрочного структурного фактора бюджетного кризиса необходимо назвать одностороннюю ориентацию на экспорт углеводородного сырья. При этом цена барреля нефти стремительно падала. Летом 1998 года она опустилась до уровня ниже 10 долларов.

Было понятно, что полная либерализация вложений нерезидентов на рынке ГКО для России нежелательна, поскольку быстрый приток или отток значительных сумм чреват финансовой нестабильностью. Как бы там ни было, мы видели, что ресурсов ЦБ явно недостаточно для того, чтобы расплатиться с нерезидентами в случае их желания уйти из России.

Вместе с тем введённые ограничения противоречили Уставу МВФ, который предусматривал конвертируемость национальной валюты по текущим операциям. В момент присоединения России к 3-й статье Устава МВФ была достигнута договорённость о том, что постепенно установленные нами ограничения будут отменены.

Неожиданно в ходе переговоров МВФ в качестве категорического условия предоставления кредита фонд потребовал отказа от всех ограничений, связанных с вложениями нерезидентов на рынке ГКО, уже с начала 1998 года. Это требование было принято правительством, поскольку оно не поддерживало позицию Банка России о желательности сохранения ограничительного порядка.

Как мы и опасались, поведение нерезидентов сыграло в дальнейшем, в 1997–1998 годах, для российского рынка драматичную роль, когда волны финансового кризиса докатились до России и иностранные инвесторы приняли решение о выводе своих вложений из российских финансовых инструментов.

Дефолт: от угрозы к реальному кризису

После выборов 1996 года заместителем председателя правительства, отвечавшим за экономический блок, стал Владимир Потанин. На одном из совещаний, которое проводил председатель правительства В. С. Черномырдин, слово от Минфина попросил О. В. Вьюгин, и стал объяснять ситуацию с налогами. Во время этого откровенного выступления Потанин, сидевший рядом со мной, спросил: «Сергей, если я правильно понимаю Вьюгина, то получается, что мы уже вообще не можем тратить из бюджета ни копейки ни на что, кроме обслуживания долга. И даже на это всё равно денег не хватает». Я ему подтвердил: «Ты всё правильно понял. Если мы срочно не предпримём меры, то именно так оно и будет. Пирамида ГКО катастрофически растёт, и ничем хорошим дело не кончится». Поэтому когда после августа 1998 года нас упрекали, что мы не предвидели и не чувствовали катастрофы, которая грозила стране из-за ГКО, то это абсолютно не соответствует истине.

В своём выступлении 1996 года Вьюгин с предельной чёткостью обозначил тенденцию и обрисовал перспективу на два года вперёд. После этого всем стало понятно, куда мы идём и когда может «случиться страшное». Причём такого рода информация была достаточно открытой. Это был сложный момент. Наверное, нам всё-таки нужно было ещё активнее объяснять, что без отлаженной системы сбора налогов страну не спасут никакие ГКО. С помощью ценных бумаг не закроешь гигантские прорехи в бюджете. Конечно, было бы нелепо предполагать, что кто-то из правительства начнёт педалировать деликатную и щекотливую тему и помчится на телевидение с криками, что сейчас всё рухнет, но, с другой стороны, никто не ставил цель скрывать правду.

Вплоть до осени 1997-го Банку России удавалось постепенно снижать (параллельно со снижением инфляции) ставки по кредитам коммерческих

банков. Как известно, в сентябре 1997 года они лишь незначительно превышали 30% годовых (ставки упали бы и ниже, но доходность ГКО была на уровне 25%). Именно подешевевшие кредиты во многом обеспечили экономический рост в 1997 году.

Но многие в стране о будущем предпочитали не думать. Это из той же оперы, что и с ценами на нефть. Пока цены высокие, нет смысла шевелиться и что-то активно менять. А когда цена барреля уже упала, то все разводят руками — теперь уже ничего не поделаешь.

Так или иначе обеспечивать пополнение бюджета правительство оказалось неспособным. Так, в ноябре 1997 года Сергей Игнатьев, работавший тогда заместителем министра финансов, предложил не давать нефтяникам права прокачки сырой нефти через государственные экспортные трубопроводы, если налоги этими компаниями не были выплачены в полном объёме. Все понимали, что такое решение может реально сработать. Было дано поручение готовить постановление правительства. Выпуск соответствующего постановления был включён в перечень мер по программе получения кредита МВФ. Готовый документ лежал на столе председателя правительства В. С. Черномырдина 23 марта 1998 года. В тот день Черномырдин подписал заявление об отставке. А постановление о допуске к трубе осталось лежать без подписи. Премьер-министр Сергей Кириенко подписал его только в июне 1998 года, а двумя днями позже, 17 июня, переподписано и.о. председателя правительства Борисом Немцовым в смягчённом виде. Насколько мне известно, так эта эффективная мера и не была применена ни разу.

Первая волна кризиса на российском финансовом рынке была всего лишь отголоском того, что происходило в мире. В условиях глобализации российским властям приходилось самым серьёзным образом принимать во внимание события, происходящие на рынках других стран, следить за поведением инвесторов. Однако глубина и последствия кризиса в каждой стране определяются устойчивостью самих национальных финансовых систем. Где тонко — там и рвётся.

Беда пришла издалека. 27 октября 1997 года в Сингапуре, Индонезии, Южной Корее и других странах Юго-Восточной Азии рухнули фондовые рынки и национальные валюты. И тут выяснилось, что наша неокрепшая, неоперившаяся рыночная экономика успела попасть в зависимость от внешнего мира. Казалось бы, какое имеет отношение к нам кризис в Малайзии и Южной Корее? Наши экономические связи с ними были незначительными. Тем не менее боязнь инвесторов вкладывать деньги в страны «развивающихся рынков», которые затронул кризис, автоматически распространилась на Россию. Нерезиденты, предвидя аналогичную судьбу нашего рынка, стали ускоренно избавляться от акций российских пред-

приятый и ГКО. А на вырученные рубли скупать доллары. Валютные резервы ЦБ быстро таяли.

На международных рынках все российские ценные бумаги за один день потеряли 15–20% своей цены. Во время кризиса 2008 года фондовый рынок у нас держался довольно долго. Даже в Америке он упал, а у нас продолжал стоять. Но когда американцев припекло по-настоящему, они стали выводить деньги со всех рынков, в том числе из России. В 1997 году то же самое случилось быстрее. Хотя тогда кризис, конечно, был менее глобальным, но и Россия была иной, поэтому, как и другие развивающиеся рынки, тоже попала под раздачу.

Итак, в конце октября на 20% упали цены на акции российских предприятий. ГКО продавали главным образом российские банки, а не нерезиденты. Интенсивность продаж возрастала с каждой минутой. Было очевидно, что удержать уровень доходности по всему спектру ценных бумаг ЦБ не удастся. Банк России потратил более 1,2 трлн рублей на приобретение ГКО, однако переломить рынок не удалось. Свободная рублёвая ликвидность использовалась спекулянтами для покупки долларов.

30 октября ЦБ вынужден был продать более 900 млн долларов, 5 ноября ЦБ был вынужден купить бумаги на 2,5 трлн рублей, а это означало, что на следующий день на такую же сумму следует ожидать увеличения спроса на иностранную валюту.

6 ноября на совещании у Чубайса мы вновь заявили, что в такой ситуации жизненно важно повысить собираемость налогов. Однако никто не захотел даже обсуждать эту тему. Удалось договориться только о повышении процентной ставки ЦБ и прекратить сдерживать рост процентной ставки ГКО. В необходимости этого шага пришлось долго убеждать и Чубайса, и на следующий день Черномырдина. Это было нелегко, потому что в течение многих месяцев страна жила при постоянно снижающемся уровне процентных ставок, и это было одним из весомых достижений проводимой экономической политики. И вот нужно принять противоположное непопулярное решение. После длительных дискуссий было решено ограничиться уровнем в 28%.

10 ноября ЦБ объявил о трёхлетнем валютном коридоре и повышении ставки рефинансирования. Но эти меры уже не повлияли на ситуацию. Она осложнялась тем, что по результатам работы в Москве миссии МВФ нам было отказано в очередном транше кредита — из-за того, что доходы бюджета оставались на слишком низком уровне. Иностранные инвесторы получили тревожный сигнал о состоянии дел в российской экономике.

Мы поняли, что в кризисной ситуации невозможно одновременно поддерживать плавную динамику обменного курса рубля и уровень доходности по ГКО. Получалось, что одной рукой Центральный банк давал рубли,

другой — обменивал их на валюту. После жарких дискуссий решили, что поскольку главная цель — стабильность цен и курса рубля, то ЦБ должен прекратить покупку ГКО и прекратить поддерживать их доходность.

После того как Центральный банк решил больше не сдерживать падение цен на ГКО, текущая их стоимость снижалась, а значит, доходность к моменту погашения возрастала. Спекуляции на рынке ГКО стали невыгодными, однако долгосрочные вложения, наоборот, очень даже привлекательными. В такой ситуации частным инвесторам можно было смело покупать ГКО по дешёвке и ждать момента их погашения через три, пять или восемь месяцев. Другое дело, что напряжение на рынке нарастало, банки собирались продать крупные пакеты госбумаг к Новому году, в момент закрытия балансов. Досрочная продажа подешевевших бумаг обернулась бы для них убытками.

30 ноября 1997 года я написал письмо на имя Б. Н. Ельцина, где объяснял наше решение.

«Давление на рубль, начавшееся в конце октября после цепочки кризисов на мировых фондовых рынках, продолжается и даже набирает силу. За ноябрь 1997 года валютные резервы Банка России уменьшились более чем на 6 млрд долларов (на одну треть), в том числе только за последнюю неделю ноября — на 2 млрд долларов. Сегодня стало очевидно, что только тех мер, о которых было принято решение 10 ноября (повышение ставки рефинансирования и повышение резервных требований к банкам) оказалось недостаточно и стабильность курса рубля находится под исключительно серьёзной угрозой.

Общее экономическое равновесие нарушено, стали появляться реальные признаки угрозы потери достижений последних лет: низкой инфляции и стабильности валютного курса рубля. По мнению Банка России, сегодня страна стоит перед выбором:

- или попытаться найти потерянное равновесие путём ужесточения денежной политики и предпринять решительные усилия по укреплению государственных финансов;
- или отказаться от жёсткой денежной политики и привести её в соответствие с фискальной политикой, а это значит отказаться от поддержки курса рубля и в перспективе — от низкой инфляции.

Суть первого сценария состоит в том, что Банк России должен отказаться от денежной эмиссии даже для поддержки рынка государственных ценных бумаг (ГКО-ОФЗ) и перестать поддерживать существующий на нём уровень процентных ставок.

Отрицательной стороной такой политики является осложнение ситуации с федеральным бюджетом, неизбежность для Минфина России использовать часть своих текущих ресурсов для рефинансирования погашаемых до конца года выпусков ГКО, в которых доля нерезидентов превышает 50%

(13 трлн рублей). Однако есть надежда на то, что при повышении доходности ГКО часть средств нерезидентов может остаться на рынке. При этом в течение декабря неизбежно дальнейшее сокращение валютных резервов Банка России за счёт выхода нерезидентов из ГКО (до 4 млрд долларов), но качественное изменение ситуации даёт надежду на восстановление общего равновесия в экономике в течение этого времени.

Второй сценарий строится исходя из невозможности осложнить положение федерального бюджета и необходимости для Банка России поддерживать рынок ГКО-ОФЗ. В этой ситуации перед Банком России встаёт реальная угроза полной потери валютных резервов, что совершенно очевидно недопустимо. В таком случае Банк России будет вынужден отказаться от поддержки текущего курса рубля и сосредоточить усилия на сохранении своих валютных резервов. Инструментом такой политики становится отказ от удержания медленных темпов девальвации рубля, а возможно и валютного коридора в целом.

При этом, поскольку становится очевидным, что Банк России больше не удерживает курс рубля, неизбежен отказ от хранения рублёвых активов банками, предприятиями и, самое существенное, населением и резкое повышение спроса на иностранную валюту, по крайней мере в первые недели. Это приведёт к массовому сбросу ГКО, повышению доходности государственных бумаг (но проблема рефинансирования аукционов будет решаться за счёт ресурсов Банка России), существенному оттоку вкладов населения из банков, что может привести к банкротству ряда из них. Очевидно, что через три-четыре недели девальвация рубля скажется и на текущих темпах инфляции.

В такой ситуации Банк России считает необходимым, не теряя времени, сделать выбор в пользу первого варианта и начать его реализацию с первых дней декабря».

1 декабря 1997 года ЦБ объявил об очередном расширении границ валютного коридора с 5912–5926 рублей за доллар до 5879–5963. Но в тот же день курс доллара достиг верхней границы. Начался обвал рынка государственных ценных бумаг. Чтобы удержать уровень доходности ГКО, ЦБ пришлось активно играть на рынке и поднимать выплаты по госбумагам. Вскоре она достигла 25% годовых. Бумаги вновь стали чрезвычайно привлекательными для частных инвесторов. Но банки испытывали катастрофический дефицит рублей — купить облигации им было просто не на что, поэтому они были вынуждены продолжать сбрасывать ГКО и вкладывать деньги в валюту.

События ноября 1997 года оказались полезным уроком для Центрального банка: стало понятно, что, целенаправленно используя инструменты денежной политики, пока ещё можно добиваться перелома в развитии

кризисной ситуации. Но одновременно стала ещё более очевидна слабость бюджетной политики нашего правительства. Однако эти события не стали уроком ни для исполнительной, ни для законодательной ветвей власти. Как только ситуация немного стабилизировалась, снова возобладали расходные интересы. Депутаты Госдумы отказывались утверждать меры по повышению налогов или снижению расходов. Вновь Минфин начал выходить на финансовые рынки с заимствованиями, каждый раз поднимая уровень процентных ставок.

Тем временем притихший было Юго-Восточный кризис разгорелся с новой силой, а правительство и Дума никак не могли договориться о бюджете на уже наступивший 1998 год. А какой здравомыслящий инвестор станет вкладываться в долгосрочные обязательства правительства, когда не определены ни его доходы, ни расходы даже на ближайшее время.

Впервые за долгое время ЦБ, как я уже говорил, пришлось поднять ставку рефинансирования с 21% до 28% годовых и увеличить нормы обязательного резервирования для коммерческих банков по валютным вкладам. По мнению большинства экспертов, эти меры были абсолютно правильными, но запоздалыми. Тем не менее они несколько успокоили участников рынка, которые надеялись, что после Нового года иностранные капиталы вернуться в страну и обеспечат новый рост. Уже через три дня после принятых Центральным банком мер участники рынка начали продавать валюту и покупать ГКО, снижая их доходность. На рынок вернулись нерезиденты и за одну неделю вложили в ГКО более 400 млн долларов.

В конце января резко упали мировые цены на нефть. Это обернулось значительными убытками для российских нефтяных компаний, а значит, и для бюджета, куда эти компании перечисляли значительную часть налогов. Российский рынок стал терять внутреннюю устойчивость.

Я попытался привлечь внимание президента к решению бюджетных проблем и 23 января 1998 года написал ему письмо, в котором предупреждал, что развитие ситуации на международных рынках складывается неблагоприятно для России, поэтому следует ожидать новых финансовых потрясений. Заодно я вновь поднял вопрос о необходимости более активного сбора налогов.

«После принятия правительством и Банком России сильнодействующих мер в начале декабря прошлого года удалось в значительной мере погасить наиболее острые проявления кризисных явлений. Прекращена массовая продажа инвесторами государственных ценных бумаг и стабилизирована их доходность. На последних аукционах Минфину России не требуется отвлекать средства из бюджета для погашения ранее выпущенных обязательств. На валютном рынке в течение второй половины декабря

наблюдалось устойчивое превышение предложения валюты над спросом на неё, в результате чего к концу 1997 года Банку России практически удалось восстановить объём своих валютных резервов до уровня начала ноября. Курсы рубля на рынке срочных контрактов не выходят за пределы ориентиров валютной политики Банка России на текущий год.

Вместе с тем совершенно очевидно, что пока преждевременно говорить об устойчивой стабилизации российского финансового рынка и о полном преодолении негативных последствий событий осени 1997 года. Свидетельством этого служат относительно высокий спрос на иностранную валюту в первые три недели января 1998 г., низкий уровень цен на российские государственные долговые бумаги, размещённые на международных рынках и продолжающееся снижение курса акций российских предприятий на фондовом рынке.

Главным событием на мировых рынках по-прежнему остаётся кризис в странах Юго-Восточной Азии, который по всей видимости далёк от завершения. Курсы национальных валют Южной Кореи, Таиланда и Малайзии за последние 6–8 месяцев упали более чем в два раза, Индонезии — почти в четыре раза, и их падение продолжается, несмотря на использование 40–70% валютных резервов центральных банков этих стран на поддержку валют, существенную помощь со стороны международных финансовых организаций и государств «семёрки», доброжелательное отношение банков этих государств к пролонгации предоставленных кредитов. Сегодня можно с уверенностью сказать, что основной задачей для этих стран будет обслуживание краткосрочного внешнего долга, который многократно превосходит уровень валютных резервов. И это — главный урок для России. Иностранные инвестиции не должны проедаться на текущее потребление, правительству и Банку России необходимо иметь полную картину задолженности российской экономики и учитывать этот фактор при проведении своей политики.

Главная проблема российской экономики, вызывающая сегодня наибольшие опасения, — тяжёлое состояние доходной части федерального бюджета, существенный размер его дефицита и значительная доля платежей по обслуживанию долга в составе общих расходов федерального бюджета. Несмотря на значительные усилия российского правительства в этой области их эффективность остаётся чрезвычайно низкой. Успехи в погашении налоговой задолженности отдельных налогоплательщиков «компенсируются» снижением уплаты налогов множеством других. Задержка на несколько месяцев с проведением «обратного зачёта» привела к тому, что предприятия стали осознанно накапливать задолженность по налоговым платежам, в очередной раз возник «посреднический бизнес» по вовлечению налогоплательщиков в схемы зачёта, в результате чего го-

сударство не досчиталось значительных поступлений. По-прежнему нет продвижения вперёд в деле налогообложения возникшего нового частного сектора российской экономики. Налоговой службе не удаётся преодолеть давление региональных и местных органов власти, и, как результат, федеральный орган власти во многих случаях не защищает федеральные интересы. Отсутствие равномерности в сборе налогов приводит к «залповым» расходам бюджета, когда в экономику вливаются огромные средства, дестабилизирующие ситуацию на потребительском и финансовом рынках».

Ситуация в экономике постепенно обострялась. Стали остро ощущаться последствия снижения мировых цен на нефть. Проблемы не сводились к перенакоплению только государственных долговых обязательств, но и к нарастающим трудностям обслуживания частной корпоративной и банковской задолженности. Повысившиеся вслед за доходностью ГКО процентные ставки по банковским кредитам стали недоступными для предприятий реального сектора. Иностранные кредиторы в соответствии с условиями договоров выставляли российским заёмщикам требования пополнить обеспечение (margin call). Начавшийся было подъём российской экономики стал терять финансовую подпитку.

К началу 1998 года Центробанк вложил в ГКО половину активов баланса — 149 трлн рублей. Такую же долю активов направил в ГКО Сбербанк. ЦБ гарантировал стабильность курса рубля, правительство гарантировало надёжность вложений в государственные бумаги. При 7%-ной ожидавшейся годовой инфляции доходность ГКО с мая 1998 года зашкалила за 50% и устремилась дальше ввысь. Долго этот рай для спекулянтов продолжаться не мог.

Наметившееся улучшение со сбором налогов в первом квартале 1998 года (рост на 27% по сравнению с аналогичным периодом 1997 года) сменилось существенным падением налоговых поступлений в апреле-мае.

С учётом снижения цен на нефть отрицательное сальдо баланса по текущим операциям становилось реальностью. Было очевидно, что в 1998 году существенного притока иностранных инвестиций на российский финансовый рынок, как раньше, не будет. Из-за неясности с источниками финансирования возможного дефицита бюджета в середине марта в ЦБ всерьёз обсуждали идею о переходе к плавающему курсу рубля. Эта мера позволила бы привести в равновесие спрос и предложение иностранной валюты на внутреннем рынке. Хотя мы и понимали, что покупка ГКО инвесторами-нерезидентами будет сокращаться, поскольку валютные риски возрастут.

Однако реализации этих замыслов помешала отставка 23 марта правительства Черномырдина, которая обсуждалась в кулуарах, но всё же оказалась большой неожиданностью для всех. Речь шла о решительном по-

литическом шаге, но просчитать все его последствия оказалось практически невозможно. Замена руководителя правительства — «долгожителя и тяжеловеса в политике» — на новый вариант «команды молодых реформаторов» показывала, что президент Ельцин видит, что кризис не закончен, скорее он нарастает. Необходимо срочно искать новые меры по его преодолению. Вопрос заключался в том, есть ли у нового правительства программа антикризисных мер, а также обладает ли оно политическим ресурсом и ресурсом времени для её реализации. К сожалению, опыт проведения в жизнь программы правительства С. В. Кириенко дал на все эти вопросы отрицательные ответы.

Кульминация кризиса

В марте 1998 года в Волынском у меня состоялся разговор с Черномырдиным. Он сказал: «Сергей, президента накручивают, чтобы после выборов он сменил команду». В то время в отставке премьера никто не сомневался — это был вопрос времени. Я ответил, что тоже слышал такие разговоры: «Вы, Виктор Степанович, один из долгожителей. В жизни всё меняется, что ж тут поделаешь». «А слышал, что ты один из претендентов на пост премьера?» — поинтересовался Черномырдин. «Слышал», — сознался я. После этого мы обменялись мнениями. «Уже донесли?» «Приходили разные люди и предлагали свою поддержку в этом вопросе на взаимовыгодных условиях». «Ну и как ты смотришь на это дело?» Я сказал всё, что думал по этому поводу: «Если меня спросит лично Борис Николаевич, то я постараюсь ему объяснить, что сейчас особенно опасно менять правительство и тем более председателя. Ситуация в стране аховая. Только старая команда ещё как-то способна справиться с ситуацией, в которую мы въезжаем. Только что мы попытались в рамках расширенного валютного коридора опустить курс рубля ближе к нижней границе. Специально, чтобы ослабить рубль, раздвинули границы внутри коридора. Это вызвало истерику у тех, кто был завязан на ГКО, потому что в пересчёте на валюту бумаги стали терять доходность. А это наши крупнейшие банки и солидные иностранцы. Вы же сами лично звонили мне из Давоса, спрашивали, что мы с Алексащенко устраиваем. Я тогда объяснил, что страна на грани и из этой ситуации без потерь не выберется. В самом правительстве очень немногие это понимают, А что говорить о других?! Мне кажется, что с вами, Виктор Степанович, мы спокойнее пройдем сквозь будущий кризис и с вашим авторитетом сможем всё-таки взять ситуацию под контроль. В частности, решить вопрос со сбором налогов». Про налоги я в то время талдычил всем подряд — Чубайсу, Задорнову.

С Борисом Николаевичем у меня состоялся достаточно неожиданный разговор. Он специально меня не приглашал в Кремль, а попросил остаться

ся после каких-то переговоров. В Россию приехала высокопоставленная зарубежная особа. После этой встречи меня провели в какой-то кабинет. Ельцин попросил дать оценку ситуации. Я не стал ничего скрывать, президент спросил, что делать и кто лучше справится с задачей выхода из кризиса, — нельзя же сидеть, сложа руки и ждать. Я слово в слово повторил то же, что сказал Черномырдину. Спасёт страну только команда, которая владеет ситуацией. При смене руководства много времени потеряем на передачу дел. Поэтому хотя бы не меняйте премьера и министра финансов. Ельцин на меня посмотрел, подумал и поблагодарил за откровенный разговор. После этого никакого предложения занять пост премьера мне не поступало.

Конечно, к тому моменту президент понимал всю серьёзность положения. Тем не менее шанс на благоприятное развитие экономики ещё оставался.

Сделав С. В. Кириенко премьер-министром, Ельцин, конечно же, не ставил цели вывести Черномырдина из-под удара. Между президентом и премьером были нормальные рабочие отношения, но жертвовать собой ради спасения Виктора Степановича Ельцин не стал бы. Видимо, он чувствовал сложность ситуации, вспомнил, как в своё время молодые реформаторы во главе с Гайдаром помогли стране выбраться из ещё большего тупика, и попытался повторить тот же манёвр. Увы, в 1998 году страна находилась совсем в другом положении. Тогда, в начале 1990-х годов, было необходимо принимать чёткие конкретные решения, снимавшие старые советского времени запреты и ограничения, после чего запускался реальный механизм их выполнения за счёт массовых чисто экономических интересов людей. В качестве первого шага этого было достаточно, чтобы почувствовать изменения. В 1998 году всё было иначе. Страна стала другой. Личные, эгоистические интересы работали на углубление кризиса.

В конце 1980-х — начале 1990-х очень многие хозяйственники были заинтересованы в отмене жёстко регламентированных государственных цен и в свободе ценообразования. Даже советские директора понимали, что хотя это и приведёт к колоссальным перекосам, социальным взрывам, однако перед ними откроются захватывающие перспективы. Они были жизненно заинтересованы в экономической свободе, даже если были непримиримыми идейными противниками капитализма. «Красные директора» понимали, что в условиях плановой экономики невозможно организовать на их заводах эффективное производство.

1 апреля в интервью Financial Times я заявил, что рубль должен обесцениваться вслед за инфляцией. А через месяц, будучи в Киеве в командировке, сказал СМИ, что высокая доходность ГКО через 2–3 года может привести к банкротству государства. Занимать ведь приходится под большие проценты, выплата которых при длительном сохранении нынешнего

уровня доходности может стать непосильным бременем для бюджета. А это уже чревато финансовым кризисом. Мои слова не содержали каких-либо принципиально новых оценок, но в данной обстановке произвели эффект разорвавшейся бомбы. Единственное, что было услышано, это слова «финансовый кризис», для которого и в самом деле были все предпосылки. Можно констатировать, что все следующие месяцы с мая по октябрь 1998 года представляли собой кульминацию российского финансового кризиса.

На рынке началась настоящая паника. ГКО, которые называли «кошельком-самотрясом» российского правительства, резко упали в цене. Их доходность, соответственно, пошла вверх. Причём такими темпами, что быстро превзошла ставку рефинансирования ЦБ. Мы были вынуждены объявить о повышении ставки до 50%. Но панику сбить не удалось.

Кризис развивался по сценарию, аналогичному осеннему: продажа акций и госбумаг нерезидентами, подхваченная российскими игроками, закупка валюты, увеличение доходности ГКО. Пришлось идти на очередное повышение ставки рефинансирования. Это оказало чисто психологический эффект, позволило притормозить кризис. Доходность ГКО стала снижаться, и ставка рефинансирования постепенно опустилась, но ненадолго.

В конце мая ЦБ увеличил ставку рефинансирования в три раза — до 150% годовых. Мы хотели, чтобы такое шоковое повышение стало для участников рынка холодным душем.

Таким образом, в мае 1998 года рассеялись последние надежды на благополучный исход. Руководство ЦБ понимало всю остроту кризиса, но у нас не оставалось никаких рычагов воздействия на него без активного включения исполнительной и законодательной власти.

20 мая 1998 года я написал президенту ещё одно письмо, в котором выражал обеспокоенность оттоком иностранного капитала с российского рынка.

«В течение последней недели наблюдается ускоряющееся развитие кризисных явлений на рынке государственных ценных бумаг (ГКО-ОФЗ) и рынке корпоративных акций, что проявляется в резком падении их цен. За последнюю неделю из-за падения цен ГКО-ОФЗ их доходности возросли с уровня 25–32% до уровня 45%. Сводные индексы корпоративных акций, которые отражают совокупное изменение цен наиболее ликвидных акций, упали на 15%. Снова возобновился отток иностранного капитала, вложенного в российские финансовые инструменты.

В целях противодействия кризисной ситуации Банк России принял решение о повышении своих процентных ставок с уровня 30% до уровня 36–40% с 18 мая и до уровня 50% с 19 мая с. г. На аукционе по размещению ГКО 20 мая Минфином России было направлено более 1 млрд рублей на выкуп погашаемых облигаций. Эти меры позволили несколько стабилизировать

Сергей Константинович Дубинин

Совет директоров Банка России. За столом заседания А. В. Турбанов, А. А. Козлов, С. К. Дубинин, А. В. Войлуков, К. Д. Лубенченко, В. Б. Богданов. Июнь, 1998 г.

ситуацию, наметились первые признаки её улучшения. Однако до полной нормализации ещё далеко, поскольку в целом сохраняется настороженное отношение инвесторов к российской ситуации.

Банк России считает, что в основе текущего кризиса лежат в основном внутренние причины, хотя некоторым влиянием событий в Юго-Восточной Азии нельзя совсем пренебрегать. Главным фактором событий последних дней стала потеря инвесторами доверия к российским финансовым инструментам, вызванная отсутствием видимого улучшения ситуации в российской экономике.

Первой и наиболее серьёзной проблемой российской экономики является состояние федерального бюджета. Несмотря на все усилия правительства России, не удаётся увеличить собираемость налогов. Платежи Минфина России по уплате процентов по обслуживанию долга превысили треть общих расходов бюджета. Сохраняется высокий уровень бюджетного дефицита, существенная часть которого финансируется за счёт коротких и дорогих заимствований на внутреннем финансовом рынке.

Вторая проблема, серьёзно беспокоящая инвесторов, это отсутствие улучшения в деле защиты прав собственности в России. Наряду с многочисленными конфликтами между акционерами и менеджерами, которые далеко не всегда решаются судами в пользу собственников, возникли два

новых негативных момента. Во-первых, принятие вопреки позиции президента России закона, ограничивающего участие нерезидентов в уставном капитале ПАО ЕЭС уровнем 25% (при существующем уровне в 30%) при отсутствии каких-либо ориентиров относительно путей решения этой проблемы. Во-вторых, заявление председателя Счётной палаты Российской Федерации Х.М.Кармокова о необходимости отказа от платежей по долгам правительством России и принудительной реструктуризации государственного внутреннего долга. Если острота первой проблемы несколько снята заявлением правительства России о намерении добиться судебной отмены действия указанного закона, то относительно второй до настоящего времени не последовало никакой реакции правительства России.

Третья проблема, создающая определённую неустойчивость в отношении инвесторов к российской ситуации, — неопределённость в отношении планов и намерений правительства России. Новый состав правительства России оказался во многом неизвестным для широкого круга аналитиков и одних словесных заявлений о планах действий здесь явно недостаточно.

- В данной ситуации Банк России рекомендовал правительству России:
- в течение ближайших нескольких дней принять и опубликовать план решительных мер, направленных на укрепление доходной части федерального бюджета, включая внесение в Государственную Думу пакета чрезвычайных поправок в действующее законодательство;
 - рассмотреть комплекс организационно-технических вопросов, связанных с работой государственных органов, отвечающих за формирование доходной части федерального бюджета;
 - внести в кратчайший срок в Государственную Думу законопроект об отмене ограничений на права нерезидентов в отношении акций ПАО ЕЭС и иска в Верховный суд о признании указанной нормы незаконной;
 - обратиться с запросом в МВФ о предоставлении дополнительного кредита (SRF), средства которого могли бы быть использованы для выкупа государственных обязательств на внутреннем рынке».

Весной-летом 1998 года панические настроения были усилены шахтёрскими забастовками и вооружённым мятежом в Дагестане. К тому же провал конкурса по приватизации «Роснефти» лишил бюджет предполагаемых 2,1 млрд долларов доходов. Правительству не удалось договориться с МВФ ни о выделении последнего транша прошлогоднего займа, ни о предоставлении стабилизационного кредита. Фактически вопрос о неплатёжеспособности правительства перешёл в практическую плоскость. В результате рынок впал в панику. Стала обсуждаться уже не вероятность девальвации рубля, а её размеры и сроки. Доходность государственных ценных бумаг выросла до 85% годовых. С конца апреля котировки российских ценных

бумаг перестали расти. Было понятно, что нас может спасти только специальная программа и кредитные деньги Международного валютного фонда. А это вещи, как известно, взаимосвязанные, Без программы преодоления кризиса, без правительства, готового её реализовать, и без поддержки законодателей, готовых проголосовать за такие меры и такое правительство, МВФ не станет выделять специального кредита. В России политического согласия по всем этим вопросам не существовало. Левая оппозиция видела в текущих трудностях президента и правительства лишь повод для атаки на них с целью перехвата власти.

Перед началом переговоров с МВФ мы собрались у Ельцина. Надо было окончательно определить, на что мы соглашаемся, а на что нет. Участвовали А. Я. Лившиц, М. М. Задорнов и я. После нашего доклада Борис Николаевич попросил подключить к переговорам с Фондом Чубайса и Гайдара. Он прекрасно знал, что для Стэнли Фишера, от которого тогда зависела судьба кредита, очень важно мнение именно этих политиков. В то время Камdessus дипломатично устранился от переговоров с Россией. Правда, впоследствии ему это не помогло — ему поставили в вину не только дефолт в России, но и катастрофу в Аргентине и вообще то, что МВФ не смог предотвратить азиатский кризис. Американцы вообще перевесили с себя на Камdessus всех собак. Фишер «держал удар» до конца. Он ушёл из Фонда позже, причём никакие мелкие скандалы не задели его репутации. В тот момент именно Фишер играл первую скрипку в решении о кредите, хотя непосредственным переговорщиком являлся Джон Одлинг-Сми и его подчинённые. Чтобы окончательно убедить Фишера, и нужны были Гайдар и Чубайс. На этих людях он проверял степень готовности правительства к реформам. К тому же все знали, что Чубайс прекрасный руководитель и организатор. Переговоры прошли успешно только благодаря его участию. Всё, что мы просили, нам, конечно, не дали. Хотя, надо признать, и Дума не утвердила значительную часть антикризисной программы.

22 июня 1998 года я направил письмо на имя президента, где говорил об опасности девальвации рубля и одновременно призывал как можно быстрее договориться с МВФ об очередном кредите.

«В целом качественного улучшения ситуации на финансовом рынке не наступило. Главным фактором сохранения негативных тенденций сегодня является недоверие инвесторов к средней долгосрочным перспективам устойчивости российского рубля, связанное с неуклучшающимся положением дел с бюджетом. Негативная оценка международными финансовыми организациями, инвестиционными институтами способности правительства России предпринять решительные действия по активизации экономических преобразований, по укреплению федерального бюджета приводит

Выступление С. К. Дубинина на расширенном заседании правительства РФ. Кризис в разгаре. 1998 г.

к существенному изъятию иностранных инвестиций из России, падению цен на российские государственные бумаги, к повышенному спросу на иностранную валюту. Как результат всего этого уровень процентных ставок на финансовом рынке превышает 50% годовых.

Во второй декаде июня не удалось закрепить положительные тенденции, и ситуация снова начала обостряться. В течение второй декады июня Банк России продал 1,25 млрд долларов, т. е. объем среднесуточных продаж превысил 200 млн долларов. В целом за период с начала года золотовалютные резервы Банка России сократились с 17,2 млрд долларов до 14,8 млрд долларов. Существенным фактором, обострившим ситуацию, стала отсрочка в выделении кредита со стороны МВФ из-за невыполнения Россией ряда предварительных мер. Это крайне негативно сказалось на финансовых рынках, поскольку инвесторы считают, что согласие с МВФ должно быть ключевым приоритетом для правительства России в сегодняшних условиях.

В этой ситуации начинающиеся на днях переговоры с МВФ о предоставлении резервного фонда в объеме до 10 млрд долларов играют ключевую роль. Для благоприятного развития событий переговоры с МВФ необходимо завершить до конца июня с. г. с тем, чтобы получение резервного кредита стало возможным в первой половине июля. С другой стороны, затяжка с проведением переговоров или их чрезмерное затягивание могут возродить

панические настроения среди инвесторов. Такое развитие событий резко повысит угрозу давления на рубль, поставит под угрозу наши возможности по удержанию обменного курса рубля в пределах ранее объявленных границ.

Участившиеся в последнее время разговоры о возможности использования «управляемой» девальвации рубля для решения текущих проблем российской экономики свидетельствуют о полном непонимании сторонниками этой идеи всех последствий такого шага. Банк России абсолютно уверен, что девальвация рубля не может быть «подконтрольной». Воздействие ускоренного падения курса рубля на социально-экономические процессы будет настолько сильным, что может привести к массовым социальным протестам, к возникновению принципиально новых негативных явлений типа банковского кризиса, массового банкротства крупнейших российских компаний и т. д. Можно твёрдо утверждать, что девальвация рубля приведёт к катастрофическим последствиям для экономики и государства.

Переговоры с МВФ обещают быть крайне трудными и сложными. Даже в случае их успеха, выделение денег России будет обусловлено не согласованием программы действий, а реализацией ряда предварительных мер. Главными из них станут безусловно шаги по укреплению доходной базы бюджета. Часть этих мер потребует внесения изменений в действующее законодательство. Однако представляется маловероятным, что Государственная Дума поддержит в нынешних условиях любые инициативы правительства России.

В сложившейся ситуации Банк России считает необходимым:

Незамедлительно внести в Государственную Думу пакет законопроектов, предусматривающих внесение изменений в действующее законодательство, направленных на укрепление доходной части бюджета.

Потребовать от Федерального Собрания рассмотрения и принятия в полном объёме указанного пакета в ускоренном режиме (в течение одной-двух недель).

В случае неспособности или вызванного политическими мотивами отказа законодательных органов власти от выполнения указанных требований в короткие сроки руководство России должно быть готовым к принятию всех необходимых решений Указами президента Российской Федерации. (Именно так поступил президент Украины в конце прошлой недели.)

Правительству России сконцентрировать максимум внимания на практическом претворении в жизнь уже принятых решений и тех решений, подготовка которых завершается».

Результатом нашего обращения в МВФ стало получение кредита для поддержания золотовалютных резервов. Тем самым мы как бы убеждали рынок, что нам есть чем защищать курс рубля. Это была последняя попытка спасти банковско-финансовую систему от развала.

Думаю, всё-таки надо было лучше объяснять ситуацию не только другу, но и населению. В России до сих пор сохранились проблемы с гласностью. Люди, делающие экономическую политику, плохо объясняют свои решения, планы, позицию. Видимо, недостаточно квалифицированно работают профессиональные службы, призванные этим заниматься. Коллеги мне жаловались: «Гайдар не объяснял населению свои действия». Наверное, у него не хватало дара слова. Явлинский бы объяснил лучше, это факт. Но принять на себя ответственность и начать реально действовать готов был именно Тимур Гайдар. Всё же разъяснение проводимой политики, считаю, нельзя возлагать только на руководителей, которым необходимо ежедневно принимать множество важных решений и у которых голова болит совсем о другом.

К сожалению, перед дефолтом мы так ничего и не сумели объяснить людям, считая, что любое упоминание о кризисе может привести к панике. Даже когда я позволял себе лёгкий намёк, на рынке начиналась истерика. Классическим примером неудачного PR-хода стала фраза президента Ельцина накануне дефолта о том, что девальвации рубля не будет.

Не знаю, кто конкретно из экономических советников рекомендовал президенту заявить накануне кризиса, что девальвации не будет. Когда Россия получила деньги от Международного валютного фонда, не он один воспринял это слишком оптимистично. И видимо, кто-то убедил президента, что с помощью кредита удастся решить все проблемы. В результате Ельцин тогда сделал слишком поспешное заявление. Думаю, что президент просто хотел нас поддержать — всю команду, которой он тогда доверял.

Свидетельством того, что ситуация выходила из-под контроля, является тот факт, что в летние месяцы 1998 года Минфин никак не находил в бюджете средств для платежей в счёт обслуживания ранее созданного долга. Поскольку технология таких расчётов предусматривала, что держателям ГКО технически обязан заплатить ЦБ, а затем уже выставлялся счёт Минфину, то практически правительство перекредитовывалось в короткую у Банка России. Такая практика вызывала бесконечные выяснения отношений на самом верхнем уровне и была просто политически опасной. Одновременно я предупредил Чубайса, который возглавлял российскую делегацию на переговорах с МВФ, что задолженность Минфина противоречит условиям соглашения с МВФ и тем самым ставит переговоры под угрозу. В результате Чубайсу удалось убедить Кириенко и Минфин 30 июня погасить задолженность.

К середине июля задолженность Минфина вновь превысила 13,3 млрд рублей. Миллиарды рублей выплескивались на финансовый рынок и подпитывали силы игроков, давивших на рубль. Спрос на иностранную валюту стал ажиотажным. Это ещё больше разогрело аппетиты участни-

ков рынка. Центральный банк проводил валютные интервенции и терял резервы.

М. М. Касьянов описал в своей книге, как он наблюдая, как мы с Задорновым кричали друг на друга по этому поводу, и сделал вывод, что между нами существует противостояние. Со стороны это, видимо, так и выглядело. На самом же деле мы с Задорновым как были хорошими друзьями, так, пройдя сквозь все испытания, и остались таковыми до сих пор. К сожалению, Минфин не смог решить проблему собираемости налогов, да в то время налоговая служба напрямую министру финансов и не подчинялась.

Сквозь все совещания в Минфине красной нитью проходила мысль, что без кредитной поддержки Центрального банка бюджет сбалансировать не удастся. Экономика страны вплотную подошла к краху. Снова все деньги на погашение государственного долга (более 22 млрд рублей за четыре недели) Минфин позаимствовал у ЦБ. И снова все полученные рубли участники рынка направили на приобретение у ЦБ иностранной валюты. Объём валютных интервенций ЦБ за этот период оказался примерно равным сумме полученного от МВФ кредита. Бессмысленность и бесперспективность продолжения такой политики становилась всё более очевидной.

Руководство ЦБ окончательное решило в августе перейти к плавающему курсу рубля. Однако выброс каждую неделю 3–4 млрд рублей для погашения очередного выпуска ГКО перечеркивал все усилия ЦБ по ужесточению денежной политики. Ситуация зашла в тупик. С одной стороны, переход к плавающему курсу в такой ситуации неизбежно будет сопровождаться существенным падением рубля, с другой — отказ от плавающего курса сделает неизбежной девальвацию рубля.

Уровень доходов бюджета не повышался, внешних заимствований не было, а объём обязательных платежей по обслуживанию государственного долга продолжал возрастать. Единственным спасением становился кредит МВФ в объёме не менее 6–8 млрд долларов. Однако Госдума со свистом и улюлюканьем провалила правительственную программу, которая предусматривала повышение налогов. Из-за этого МВФ сократил сумму первого транша с 5,6 млрд до 4,8 млрд долларов. Сначала нам вообще сказали, что без принятия программы мы не получим ни цента. Однако после того как Чубайсу удалось убедить западных коллег, что мы не свернём с рыночного курса, нам решили выделить 22,7 млрд долларов. Сказали, что будут давать их траншами. При этом самую существенную часть средств выдадут уже в 1998 году. Один миллиард долларов из первого транша по просьбе российской стороны был направлен на покрытие бюджетного дефицита. Таким образом, не сделав никаких реальных шагов по преодолению кризиса, Россия смогла всё же получить чрезвычайный пакет международной помощи. Мы вздохнули с некоторым облегчением.

Договорённость о том, что можно обойтись без новых заимствований на рынке ГКО, оказалась несостоятельной. Хватило маленького камушка, чтобы сошла лавина.

Хроника пикирующего августа 1998 года

В самом начале августа я взял отпуск на две недели. Считал, что после договорённости о кредите наступит передышка. К сожалению, оценки состояния бюджета на август оказались абсолютно неточными. Всего через три дня котировки российских ценных бумаг на рынках стали стремительно падать. События разворачивались с калейдоскопической быстротой.

В отпуск я с сыном и женой улетел на север Италии, в городок рядом с Сан-Ремо. Пару дней мы прожили относительно спокойно, хотя телефон буквально разрывался от звонков. Самые разные люди сообщали, что всё плохо. На третий день я открыл *Financial Times* и прочитал статью Сороса, где он в принципе достаточно справедливо характеризовал ситуацию в России, говорил о том, что кризис неизбежен, и советовал срочно девальвировать рубль. Я отложил газету и заказал билет в Москву. Слова Сороса сработали как спусковой крючок. Впрочем, даже если бы он их не произнёс, ничего бы уже не изменилось. 14 августа я прилетел в Москву и увидел длинные очереди у обменных пунктов — результат массовой кампании в СМИ о неизбежности девальвации рубля. Население перестало верить рублю. Фактическая девальвация состоялась. Я подумал, что ЦБ может работать против рынка, против банков — держать позицию. Но работать против населения, которое сдаёт рубли и покупает доллары, Центробанк не может. Это абсолютно немислимо. Было понятно, что пора принимать окончательное решение о переходе к плавающему курсу рубля.

Минфин сообщил, что за июль удалось собрать гораздо меньше налогов, чем прогнозировалось, и что восстановить внутренние заимствования не удаётся.

В день моего возвращения банк «Империл» не смог расплатиться с западными кредиторами. Это означало, что многие российские банки могут столкнуться с требованиями западных кредиторов о досрочном возврате полученных кредитов — многие кредитные соглашения включали оговорку о последствиях *cross-default*¹.

Стало ясно, что, во-первых, России никто не доверяет — ни зарубежные фонды и инвесторы, ни собственное население. Во-вторых, правительство больше не в состоянии обслуживать обязательства по государственному

¹ *Cross-default* — право кредиторов предъявить требования о досрочном возврате кредитов в случае невозврата кредита другими российскими банками. — *Прим. авт.-сост.*

долгу без получения средств от ЦБ. Правительство и государство оказались слишком слабыми и не смогли обеспечить сбор налогов даже перед лицом финансовой катастрофы. В-третьих, Россия потеряла возможность уравновесить отрицательное сальдо по текущим операциям платёжного баланса за счёт привлечения новых внешних займов. Более того, российские банки столкнулись с требованиями кредиторов о возврате полученных ранее средств. Возможности же новых заимствований практически исчезли — ЦБ уже не мог продолжать политику удержания курса рубля в рамках объявленного валютного коридора. Попытка удовлетворить все аппетиты федерального бюджета обернулась бы инфляционной катастрофой. Только на выплату обязательств бюджета по погашению ГКО до конца года потребовалось бы 120 млрд рублей. В этих условиях ни о каких надеждах на сохранение стабильности не могло быть и речи. Проведя в Банке России анализ ситуации, мы пришли к выводу, что единственным выходом могло быть только откровенное признание государством своей неспособности выполнить в срок все обязательства по обслуживанию государственного долга. Несмотря на непопулярность такого решения, только оно позволяло надеяться, что удастся избежать гиперинфляции.

В субботу, 15 августа, руководство ЦБ — С. К. Дубинин, С. В. Алексашенко, А. И. Потёмкин — собралось на даче у Кириенко. На встрече присутствовали также М. М. Задорнов, О. В. Вьюгин, А. Б. Чубайс, Е. Т. Гайдар. Я тогда сказал: «Давайте примем решение кредитовать бюджет напрямую из ЦБ — в обход законодательному запрету. Перейдём на открытую денежную эмиссию. При этом я напишу заявление об уходе. Если президент подпишет соответствующий указ, тот, кого назначат исполняющим обязанности, его выполнит. Вы получите деньги, расплатитесь по долгам, а дальше будет гиперинфляция — те самые 1500–2000% в год. После этого можно будет раз и навсегда распрощаться со всеми реформами, потому что народ потребует введения всех мыслимых ограничений — придётся закрыть страну, ввести регулирование цен, распределять минимальный набор продуктов по карточкам. Не сомневаюсь, что наша экономика без труда въедет в такой вариант развития событий. Если президент и премьер примут подобное решение, то пусть так и будет».

На это идти никто не хотел. Все понимали, что подобный «откат» в реформах не решит ни одной проблемы экономики России. А вот политический переворот спровоцирует наверняка. Оставался только один реалистичный план действий, именно тот, который и был реализован во второй половине августа.

В результате остановились на принудительной реструктуризации части внутреннего долга и на переходе к свободному, плавающему курсу рубля. Это решение оставляло надежду на то, что удастся удержать главные

достижения последних лет: низкую инфляцию и стабильность валютного курса, хотя все понимали, что после заявления о переходе к плавающему курсу рубля резкого скачка курса доллара избежать не удастся.

Мы немедленно поставили в известность о всём происходящем МФВ. Представители Фонда во главе с Дж. Одлинг-Сми примчались в Москву и приняли участие в обсуждении программы преодоления кризиса. Надо признать, что российский план, в частности принудительная реструктуризация госдолга и временный мораторий по уплате частных долгов, выходил далеко за рамки обычных антикризисных действий. Но российская сторона была убеждена, что только комплексное решение может быть подлинно эффективным. Во второй половине воскресенья, 16 августа, Кириенко и Чубайс получили одобрение президента на эти решения.

Осталось только дождаться понедельника, чтобы объявить все детали плана реструктуризации долга по ГКО — ключевого момента всего комплекса мер.

17 августа вышло совместное заявление правительства и Банка России «О политике валютного курса».

«Период, прошедший после объявления Правительством Российской Федерации и Банком России среднесрочных ориентиров политики валютного курса на текущий период, был отмечен существенным осложнением внешнеэкономической ситуации для России. Основными факторами этого стали: международный финансовый кризис, начавшийся в ряде стран Юго-Восточной Азии и перешедший затем в глобальную фазу; общее депрессивное состояние всех формирующихся рынков, в том числе и российского финансового рынка; снижение мировых цен на основные статьи российского экспорта, в первую очередь на нефть, приведшее к ухудшению показателей внешнеторгового баланса страны.

Одновременно существенно осложнилось состояние федерального бюджета, снизилось доверие к российским государственным ценным бумагам, что вылилось в отток иностранного капитала из России и привело к снижению золотовалютных резервов страны. В этих условиях неизбежным становится внесение корректив в проводимую в Российской Федерации курсовую политику.

В целях защиты национальных экономических интересов, во избежание сокращения валютных резервов и устранения накопившихся во внешнеэкономической сфере диспропорций Правительство Российской Федерации и Банк России заявляют о пересмотре параметров курсовой политики и методов установления обменного курса рубля. В сложившихся условиях нецелесообразно сохранять жёсткие ежедневные границы колебаний обменного курса рубля в виде объявляемых Банком

России курсов покупки и продажи долларов США на межбанковском валютном рынке. Соответственно изменится порядок установления официального обменного курса рубля Банком России, который будет определяться по итогам ежедневных операций на биржевом и внебиржевом секторах внутреннего валютного рынка.

Вместе с тем Правительство Российской Федерации и Банк России обязуются средствами бюджетной, денежно-кредитной и валютной политики поддерживать такие условия на внутреннем валютном рынке, которые необходимы для сохранения предсказуемой динамики валютного курса. Как и ранее, будет обеспечена возможность беспрепятственной покупки и продажи иностранной валюты организациями и населением в рамках действующего законодательства и на основе использования рыночного валютного курса.

Правительство Российской Федерации и Банк России считают, что при получении законодательной поддержки реализация пакета стабилизационных экономических мер Правительства, а также имеющиеся в настоящее время золотовалютные резервы обеспечивают возможность удержания курса рубля до конца текущего года в диапазоне от 6,0 до 9,5 рубля за доллар США.

Проведение курсовой политики в новых условиях будет базироваться на сбалансированной бюджетной политике и достаточно жёсткой денежно-кредитной политике. Ключевую роль будет играть гибкая политика процентных ставок, обеспечивающая сдерживание инфляционных ожиданий, достаточную привлекательность вложений в активы, номинированные в российской национальной валюте, при поддержании валютных резервов государства на достаточном уровне. Определение официального курса рубля на основе его рыночных котировок позволит снизить остроту спекулятивных атак на российский рубль, приводящих к неоправданному расходованию валютных резервов Банка России.

Правительство Российской Федерации и Банк России одновременно вводят необходимые в сложившихся условиях ограничения на валютнообменные операции нерезидентов капитального характера с тем, чтобы обеспечить защиту российского рынка от дестабилизирующего воздействия глобальных перетоков краткосрочного спекулятивного капитала. При этом Правительство Российской Федерации и Банк России полностью подтверждают взятые на себя в 1996 году международные обязательства по отказу от ограничений на конвертируемость рубля по текущим операциям платёжного баланса.

Председатель Правительства Российской Федерации С. В. Кириенко
Председатель Банка России С. К. Дубинин».

Однако в понедельник на пост вице-премьера, ответственного за макроэкономическую политику, неожиданно назначили Б. Г. Фёдорова. Он заявил, что предложенная схема реструктуризации его не устраивает.

В результате в среду, 19 августа, схема реструктуризации ГКО не была объявлена, не был погашен очередной выпуск государственных ценных бумаг, наступило фактическое банкротство правительства России. 21 августа я направил письмо Кириенко, чтобы попытаться добиться возврата к ранее согласованным позициям по реструктуризации государственного долга.

В воскресенье, 23 августа, президент отправил правительство Кириенко в отставку. Последующая чехарда с назначениями привела к затягиванию принятия необходимых решений и как следствие к обвальному падению курса рубля. Реструктуризация ГКО повисла в воздухе. Дума до декабря так и не приступила к рассмотрению соответствующего законопроекта.

Когда Б. Г. Фёдоров попытался договориться с западными банкирами об отсрочке и реструктуризации долга, они заняли решительную позицию. В категоричной форме заявили, что ни на какие уступки не согласны, надо заплатить всё и немедленно. И только когда на Западе регуляторы приняли решение обнулить российские долги, а банки-кредиторы были вынуждены списать их у себя на балансе в убыток, они разрешили своим банкам договариваться. Мол, всё, что сумеете выбить, пойдёт вам в прибыль. Все сразу успокоились и сели договариваться и составлять графики платежей. Когда до них дошло, что либо они не получают ничего, либо, договорившись, что-то, начался совершенно другой, осмысленный диалог. Многие банки продали свои долги за копейки третьей стороне.

В первые дни после кризиса я по-настоящему пожалел, что в России не было системы страхования депозитов. Я понимал, что люди, придя во многие банки, натолкнутся на запертые двери. Кто уж точно не виноват в случившемся и страдает ни за что, так это вкладчик. На прощание перед выходом в отставку я предложил сделать так, что владельцы замороженных частных вкладов смогли обратиться за своими деньгами по курсу 9,33 рубля за доллар в Сбербанк. Необходимо подчеркнуть, что Сбербанк не мог получить и не получил средств от обанкротившихся банков. На Сбербанк возложили лишь обязательство перед вкладчиками. Банк России обеспечил исполнение этих обязательств, снабдив Сбербанк средствами за счёт эмиссии.

Эта акция действовала один месяц. Вкладчики обанкротившихся банков могли в течение этого месяца подать заявку на компенсацию депозита. Мы понимали, что курс будет сыпаться дальше, поэтому Сбербанк брал на себя обязательства не в иностранной валюте, а фиксировал их в рублях. Благодаря этой мере люди смогли получить, во-первых, чёткий план действий, который был точно исполнен, а во-вторых, хоть не полную, но реаль-

ную компенсацию. Мы вовремя приняли это решение. Когда зимой того же года я видел по телевидению, как в Аргентине народ штурмом берёт банки, выламывая двери, то всё больше убеждался, что мы поступили грамотно — смогли избежать неприятных инцидентов. Тогда же я посоветовал А. В. Турбанову срочно запускать создание АРКО¹. Было понятно, что начнутся массовые банкротства коммерческих банков.

Думаю, что В. В. Геращенко, вернувшись в ЦБ, надо было воспользоваться кризисной ситуацией в банковском секторе и провести более основательную и радикальную чистку банковской системы. Вместо этого ЦБ оставил банки решать свои проблемы кто как сможет, и те делали что хотели. Под предлогом, что кризис все спишет, кидали кредиторов, выводили активы, показывали кредиторам и временным администрациям пустые балансы. Один за другим стали появляться бридж-банки². Первые дни я пытался этому препятствовать. В ответ олигархи требовали моей отставки. Но она бы произошла в любом случае.

Когда исполнять обязанности премьера снова стал Черномырдин, он сказал мне, что всё равно придётся искать виновных, и для начала посоветовал уволить несколько человек. В первую очередь моих замов А. В. Алексашенко и А. И. Потёмкина. Я ответил, что мы — одна команда, поэтому если увольнять, то всех вместе. Виктор Степанович ничего мне не сказал на это. Я понимал, что это первый сигнал, всё-таки придётся делать выбор. Тогда же решил, что если я кого-то и уволю, чтобы «перевести стрелки», то потом не смогу жить с чувством, что поступил непорядочно. Потому что я принимал главные решения и определял политику ЦБ, а не другие люди, и основная ответственность на мне. Я потом не смог бы руководить оставшимися. Как бы они выполняли мои указания, зная, что я любыми средствами держусь за своё кресло?

Написать заявление об отставке мне предложил сменивший Чубайса руководитель администрации президента В. Б. Юмашев. Я ответил, что понимаю свою ответственность и готов это сделать, но было бы логично и справедливо, если вместе со мной подадут заявление все ответственные за дефолт — в первую очередь Кириенко и Задорнов. Иначе получится, что весь кризис организовал Дубинин. Виновным обычно считают того, кто ушёл в отставку, согласившись стать козлом отпущения. Я был категорически не согласен в одиночку выливать на себя все эти помои. Как и отдавать на съедение своих сотрудников. Считал, что от ответственности уклонять-

¹ Агентство по реструктуризации кредитных организаций (АРКО) было создано распоряжением правительства от 20 ноября 1998 года. — *Прим. авт.-сост.*

² Понятие «бридж-банк» появилось после дефолта. Их стали создавать в то время, чтобы уменьшить последствия финансового кризиса. Крупный банк приобретал небольшой банк и переводил туда работоспособную часть своих активов и пассивов, в том числе клиентуру. Старый же банк оставался наедине с долгами и кредиторами. — *Прим. авт.-сост.*

ся глупо, но быть единственным ответственным ещё глупее. В конце концов примерно так всё и произошло. В отставку ушёл председатель правительства С. В. Кириенко. Затем подал в отставку и я.

Я считал, что в нормальных странах, к которым я отношу и Россию, глава Центробанка, при котором происходят подобного масштаба кризисы, должен нести персональную ответственность. Уходить от неё мне казалось неправильным.

После того как я написал заявление, Борис Николаевич Ельцин пригласил меня к себе — чему я очень удивился, так как думал, что политический прагматизм заставит его дистанцироваться от отставников, мол, это они виноваты, а я тут ни причём.

В ходе той встречи Б. Н. Ельцин был очень собран, болезненности, которая отражалась на его лице последнее время, как ни бывало. Шоковая ситуация, брошенный вызов всегда действовали на него положительно. Борис Николаевич был очень сильным человеком.

Первым делом президент меня поблагодарил, сказал, что ему было приятно со мной работать. Эти слова нельзя было не оценить, и я его тоже поблагодарил и счёл нужным напомнить, что сейчас, как никогда, высок риск отката страны назад и разворота всей политической ситуации. Наверняка противники реформ попытаются воспользоваться дефолтом, и тогда 10 лет достижений пойдут насмарку. В ответ Борис Николаевич заметил, что прекрасно это понимает и не собирается сдаваться без борьбы. Я добавил, что, если я ему чем-то могу помочь, он может на меня рассчитывать. Так что мы расстались как соратники.

Как известно, дальше началась жёсткая борьба, которую он в конечном итоге выиграл. Не допустил импичмента, ему не смогли навязать премьера, которого он не хотел, но который мог бы стать его преемником. Он предпочёл найти преемника сам. Надо отдать ему должное — из кризисной ситуации президент вышел с честью. После чего сам принял решение об уходе, достойно завершив последний этап борьбы.

Вся клеветническая, но достаточно шумная кампания по поводу будто бы похищенных в кризисные месяцы средств, полученных в качестве первого транша кредита МВФ, являлась частью этого же политического наступления на реформы и реформаторов.

Много позже, после моей отставки, сотрудники прокуратуры и аппарата правительства рассказывали мне, что якобы генеральный прокурор вёл активную политическую игру, которая называлась «Посадить Дубинина в тюрьму». Да и не меня одного. Он, согласно этому рассказу, подготовил обширный список тех, кого следует обвинить в кризисе и арестовать. И принёс его «на утверждение» председателю правительства Е. М. Примакову. На что Евгений Максимович отреагировал, сказав, что если у прокура-

туры есть соответствующие основания, то действовать она обязана сама. Как рассказал мне один из высоких прокурорских чинов, пытались подключить к обвинительной кампании и Геращенко. Мне показалось, что он мне даже высказывал обиду на руководство Центробанка в лице Виктора Владимировича, что, мол, мы искали материалы на конкретных людей, а они отписки давали о том, как работает система в целом, почему произошёл кризис. В. В. Геращенко настоял на тщательной проверке-аудите Банка России компанией «Прайс-Уотерхауз-Куперс». Их аудиторское заключение расставило всё по своим местам.

Я счастлив, что достиг карьерного потолка. Ведь для финансиста более высокой должности, чем министр финансов и председатель Центробанка, в государственной иерархии просто не существует. А политиком я себя никогда не считал — только гражданином своей страны. На прощальной пресс-конференции я сказал, что делал всё возможное, чтобы не допустить ослабления независимости ЦБ, и призвал своих преемников руководствоваться этим принципом.

Завершение и итоги

Закончив изложение драматических событий кризиса 1997–1998 годов, пришло время кратко подвести итоги: экономические, политические, человеческие. За время работы в ЦБ нашей команде удалось доказать, что в России с помощью классических инструментов денежной политики можно побороть инфляцию. Это я считаю своей главной заслугой. Перешли к почти полной конвертируемости рубля, хотя, конечно, и ограниченной. Подписали договор с МВФ о присоединении к третьей статье устава Фонда. Приняли соответствующие обязательства, статью, которые работают до сих пор.

Вместе с тем наглядное и трагическое подтверждение получил тот ранее для нас чисто теоретический тезис, что макроэкономический баланс в денежном спросе и предложении неотделим от сбалансированности бюджетных доходов и расходов, от здорового состояния балансов кредитных учреждений банковского сектора, от состояния платёжного баланса страны. Попытки управлять каждым из этих факторов отдельно, как и следовало ожидать, провалились. Плохая координация между ведомствами, отвечающими за эти направления экономической политики, была очевидным слабым местом российской системы управления экономикой.

Для меня принципиально важно, что мы сумели продемонстрировать россиянам, что необязательно любое финансовое преобразование, затеянное властями, грозит ущербом и неприятностями нашим согражданам, — провели деноминацию в масштабах России, и о ней никто сейчас даже не вспоминает (денежную реформу при Хрущёве помнят до сих пор). Это

прекрасный показатель. Потому что мы абсолютно не задели тогда интересы людей.

Считаю, что службы Банка России смогли выйти на качественно новый уровень банковского надзора и регулирования. На этой основе в стране существенно повысился профессиональный уровень нашей банковской системы и улучшилось качество операций и банковских технологий. Многие российские банки уже в конце 1990-х годов не уступали мировым стандартам, научились решать самые современные задачи и в результате вышли на международный уровень сделок.

Сказать, что я не делал ошибок, нельзя. В такое неблагоприятное для демократии время я, к сожалению, слишком часто отмалчивался. Жалею, что не критиковал публично правительство даже по вопросам, которые непосредственно не входили в компетенцию ЦБ, — прежде всего за отсутствие назревших реформ налогового администрирования. Правительству пошло бы на пользу, если бы оно слышало критику из своего лагеря, а не только от оппозиции. Например, мог бы занять более радикальную позицию по формированию реалистичного бюджета. Надо было более чётко, полно и открыто информировать общественность о проблемах страны.

В результате финансового кризиса 1997–1998 годов сложилась непростая политическая ситуация. Всё позитивное, чего удалось добиться за многие годы непростой работы по рыночной трансформации российской экономики, оказалось под угрозой полного уничтожения. И тот факт, что финансовый кризис стремительно перерос в кризис политический, это естественное следствие раскалённой социально-политической обстановки в России. Очень многие политики и играющие в политические игры предприниматели, «олигархи» решили для себя, что чем хуже будет экономическая ситуация в стране, тем «жирнее» окажется их личный политический выигрыш. В самые острые моменты кризиса решения многих персонажей и властных и экономических структур, пропагандистские кампании в СМИ разворачивались, исходя из логики прежде всего политической борьбы. А превращение прибытков политических в доходы экономические было в нашей стране для желающих играть в эти грязные игры делом чисто техническим.

Дума была оппозиционной, а это означало не только то, что настроения многих депутатов были направлены против тех или иных действий правительства, но и стремление любой ценой добиться смены власти, режима.

В обстановке, когда сиюминутные интересы для правящей элиты важнее стратегии, никто бы не смог ничего поделать. Именно это показал опыт Чубайса с организацией ВЧК. При этом ни госсектор в лице «Газпрома» и других монополистов, ни частный сектор даже пальцем не пошевелили, чтобы спасти ситуацию. До сегодняшнего дня убеждён, что В. С. Черномырдин,

Сергей Константинович Дубинин

Центральный Банк РФ. С. К. Дубинин принимает Билла Гейтса. 1997 г.

пользовавшийся уважением в самых разных слоях общества, являлся наилучшим вариантом премьер-министра в условиях кризиса. Так что я честно сказал тогда Черномырдину, что ни за что не соглашусь на премьерство.

В 1998 году надо было найти что-то, что позволило бы апеллировать к коллективному интересу. Заинтересовать одновременно большое количество людей. Показать, что в результате предстоящих действий выиграет не ограниченный круг элиты, а именно широкие народные массы. Уплата налогов в качестве такого условия выигрыша для всех не воспринималась. Кто-то из директоров однажды заявил мне прямо в лицо: «Не плачу и не буду платить. У вас всё равно украдут. Так лучше я сам это сделаю». Серьёзные столкновения по поводу налогов случались постоянно. Было понятно, что если срочно не сломать убеждения большинства людей, что налоги можно не платить, то кризис неизбежен. Конечно, нащупать такой общий интерес в ситуации 1998 года было крайне трудно. Не было простых решений. Нельзя было чётко объявить: мы сделаем то-то — и сразу всё закрутится.

К сожалению, когда президент Ельцин призвал во власть С. В. Кириенко, с которым мы пытались что-то сделать для выхода из надвигающегося кризиса, такого ощущения единства в стране не было. Люди стали мыслить более государственно, только испытав шок — когда их стукнуло дубиной дефолта по голове.

Механизм общего дела сработал уже после дефолта, причём сам по себе, без вмешательства власти. Люди на подсознательном уровне поняли, что,

После завершения работы в ОАО «РАО ЕЭС России». Бывший финансовый директор ОАО «РАО ЕЭС России» Дубинин с бывшим председателем Банка России Дубининым

Люди поняли, что с крахом государственной системы они сами не удержат ситуацию под контролем — даже на своём собственном предприятии. Кризис ударил по всем. Неспроста после случившегося люди на целом ряде фирм согласились целый год работать, даже не получая зарплаты. Понимали, что сейчас главное — выжить. И если не платить налоги, то с экономикой снова произойдёт что-то страшное. Судя по поступлениям в казну, изменилась психология. Люди начали платить налоги. Другое дело, что далеко не все и не в полной мере.

Ту же проблему сегодня затрагивает в своих статьях М.Б.Ходорковский. Он предлагает президенту выделить из интеллектуального сообщества некую достаточно многочисленную команду специалистов и дать им возможность воплотить в жизнь свои продуктивные идеи. В результате запустится механизм модернизации. Я считаю, что это утопия. Реально начать любую модернизацию можно только в том случае, если у огромной массы людей возникает непосредственный интерес в ней участвовать. При этом все должны понимать, что реализация проекта позволит каждому че-

если они не будут платить налоги, пострадает их собственный интерес. Развал государства не был выгоден никому. Угроза бандитского беспредела напугала и сплотила всех.

В самом начале 1999 года в Соединённых Штатах появился экспертный доклад о неизбежном распаде России на составные части. В то время такая перспектива была вполне реальной. Это понимали не только за океаном. Из Чечни на Дагестан тогда двинулись вооружённые отряды боевиков. Сценарий расчленения страны начал реально раскручиваться. Все поняли, что мы катимся в пропасть. Это стало для людей отрезвляющим и объединяющим моментом. Сработало чувство коллективной заинтересованности в спасении страны.

Парадоксальным положительным последствием дефолта стал факт, что в сознании масс произошёл психологический перелом.

ловеку изменить жизнь к лучшему. Люди могут не разделять тех или иных взглядов, но они должны видеть впереди конкретную цель, где есть место их собственным материальным интересам. Только тогда народ включится в общее дело. В результате реформы совершаются вопреки любым объективным трудностям.

Трагедия 1998 года была в том, что Россия входила в глобальную финансовую систему со слабыми и плохо работавшими внутренними системами. Как показал кризис 2008 года, та же проблема актуальна и сегодня. Хотя наша экономика с тех пор укрепилась, но институциональных ресурсов и эффективно работающих институтов у нас по-прежнему мало. Поэтому и кризис 2008–2009 годов у нас проходит тяжело. А в 1998 году финансовый кризис был настоящей катастрофой.

Все рассуждения о том, что во время дефолта можно было девальвировать рубль и расщитаться с госдолгом, я считаю верхом наивности и непрофессионализма. Если бы мы девальвировали рубль, все иностранные вложения мгновенно бы прекратились. Кто тогда стал бы покупать ГКО? Девальвация рубля напрямую вела к дефолту по госдолгу. Когда это отрицают якобы «специалисты», мне кажется, либо они нарочно делают вид, что не понимают, либо не имеют права называться специалистами.

Приложения

Из интервью замдиректора МВФ Стэнли Фишера перед уходом в отставку.

А. Беккер, М. Трудолюбов «Стэнли Фишер: Российская глава ещё не написана». Ведомости, 21.06.2001.

- Не считаете ли вы роковым просчётом введение в 1995 г. валютного коридора, который помешал потом плавно девальвировать рубль?
- Что касается попытки стабилизировать валюту в 1998 г., то мне кажется, что международное сообщество не зря выделило тогда транш в \$4,8 млрд, а потенциально кредит составлял свыше \$20 млрд. Это было пределом поддержки, возможной в той ситуации. Конечно, в первую очередь Россия должна была решить свои проблемы, но мы со своей стороны обязаны были продемонстрировать, что готовы сделать максимум, чтобы помочь вам. Россия, к сожалению, не справилась с кризисом, но решение МВФ, ВБ и Эксимбанка Японии предоставить кредит, мне кажется, было верным. <...> в 1998 г. и вплоть до того момента, когда правительству Примакова удалось выправить ситуацию, мы не знали, чем закончится кризис. Что до валютного коридора... Не было практически ни одного случая, когда высокую инфляцию удавалось сбить до приемлемого уровня, скажем 3–5% в месяц, не прибегая в той или иной форме к привязке валютного курса. Например, с помощью валютного коридора. Проблема была в том, что Россия не могла выйти из коридора по политическим причинам. Но я не думаю, что это главная причина всех бед. Фундаментальной проблемой было то, что руководству не удалось сбалансировать бюджет. Правительство было слабым, граждане не платили налоги. Ко всему этому — азиатский кризис, а в плюс к нему падение цен на нефть. Учитывая размеры заимствований правительства в 1997–1998 гг., долговой кризис случился бы вне зависимости от того, удалось бы удержать рубль или нет. <...>
- Участники тех драматических событий — Чубайс, Кириенко, Задорнов, Алексащенко — в приватном порядке говорили, что они консультировались предварительно с руководством МВФ о дефолте. А Борис Фёдоров сказал в интервью «Коммерсанту», что пытался предупредить находившегося тогда в Москве главу второго европейского департамента МВФ Джона Одлинга-Сми. Но по реакции последнего понял, что «они всё знали раньше меня и практически поддержали [решение правительства и ЦБ]». Как всё было в действительности?
- В августе 1998 г. было много неофициальных дискуссий о том, стоит ли России попытаться реструктурировать долг, девальвировать валюту или необходимо и то и другое. Мы обсуждали это с российскими политиками. Они рассуждали примерно так: «Мы реструктурируем долг, но, если все увидят,

Сергей Константинович Дубинин

что Россия не платит вовремя, они начнут избавляться от рублей и нам всё равно придётся девальвировать валюту. Если же мы девальвируем валюту, люди поймут, что долги, выраженные в рублях, обесценились, и начнётся долговой кризис. Поэтому нам придётся делать и то и другое...» Я в общем согласен с этим анализом. Да, мы обсуждали все возможные коллизии с российскими властями. Но мы подчеркиваем, что решение принимало правительство Кириенко. Я думаю, что к 15 или 16 августа у нас уже не было вариантов. Мы предоставили огромную помощь в июле, но это не помогло восстановить доверие. Правительство попробовало реструктурировать долг, но и это не помогло восстановить доверие. Попыталось провести через Думу пакет антикризисных законов, однако и это не удалось. Я думаю, что у нас не было большого выбора в тот момент. Если бы Россия рискнула девальвировать валюту, не объявляя дефолта или не деструктурируя долг, не сработало бы и это. Ничего не получилось бы и в том случае, если бы Россия начала разбираться с долгом, не девальвируя валюту. Вот так всё и вышло...

Из интервью Алексея Можина, исполнительного директора Международного валютного фонда от России

А. Денисов. «Алексей Можин: Украсть деньги МВФ вообще невозможно»
Время новостей, 19.04.2004.

— В последнее время неожиданно снова заговорили об «украденном» в августе 1998 года транше кредита МВФ. ... Объясните, пожалуйста, что всё-таки произошло с этим злополучным траншем.

— <...> Вся эта история о хищении кредита МВФ началась с заявлений и писем известного депутата Илюхина весной 1999 года. <...> в них говорится о хищении кредита МВФ в размере 4 млрд 800 млн долларов.

Вот что пишет г-н Илюхин: «...По <...> информации, полученной от компетентных иностранных источников, можно полагать, что вышеуказанные финансовые средства, в полном объёме, не дошли до России, а были распределены, с участием президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, в узком кругу чиновников высшего ранга и особо доверенных лиц.

Согласно данной информации, вышеупомянутый кредит МВФ был распределён следующим образом: 2 млрд 350 млн долларов США 14 августа 1998 года были направлены в Бэнк оф Сидней (Австралия), где, согласно имеющимся документам, часть финансовых средств в сумме 235 млн долларов США была зачислена на банковский счёт австралийской компании, где Татьяна Дьяченко, через своего полномочного люксембургского представителя, имеет 25% акций (преобладающий пакет с правом решающего голоса). Остаток в сумме 2 млрд 115 млн долларов США, конвертированный в фунты Соединённого Королевства, был перечислен в Национальный Вестминстерский банк, Лондон, Великобритания.

В свою очередь, 1 млрд 400 млн долларов США были перечислены также 14 августа 1998 года в Бэнк оф Нью-Йорк (США); 780 млн долларов США 17 августа 1998 года были направлены в Креди Сюисс (Швейцария); 270 млн долларов США 17 августа 1998 года были направлены в лозаннское отделение Кредитанштальт-Банкферайн (Швейцария). Мы полагаем, что данные операции были осуществлены при участии бывшего Председателя правления Центрального банка Российской Федерации С. Дубинина».

— Обвинения г-на Илюхина уже тогда выглядели абсурдными, а его политическая ангажированность была всем известна. Тем не менее по требованию МВФ аудиторской компании PricewaterhouseCoopers было заказано специальное расследование...

— С самого начала всем в Фонде было понятно, что эти документы — грубые подделки. Для того чтобы это установить, не требовалось никаких расследований. Первое. Платёжное поручение, копия которого была представлена г-ном Илюхиным, датировано 14 августа 1998 года. Кому, как не

Фонду, знать, что никакого перевода в пользу России 14 августа 1998 года не производилось. В казначейском департаменте Фонда имеется информация о всех кредитах за все 60 лет существования Фонда. Так что проверить этот факт не составило никакого труда. Второе. В платёжном поручении проставлена неправильная сумма — ровно 4 млрд 800 млн долларов 00 центов. <...> Как известно, вся бухгалтерия Фонда осуществляется в СДР (специальных правах заимствования) — специальной расчётной валюте МВФ. Июльский транш 1998 года составил 3 млрд 600 млн СДР. Однако при предоставлении кредита всегда удерживается небольшая сумма, которая позволяет возместить расходы самого Фонда по обслуживанию кредита, — это стандартная практика. И в соответствии с этой практикой из 3,6 млрд СДР было вычтено 26 млн СДР. Таким образом, причитавшаяся России сумма составила 3 млрд 574 млн СДР. Эта сумма была переведена в доллары США по тогдашнему курсу СДР к доллару, который составил 1,3375 доллара за 1 СДР. Таким образом, Россия получила 4 млрд 781 млн долларов, но уж никак не круглую сумму, указанную в платёжном поручении, представленном г-ном Илюхиным.

Тем не менее чудовищность обвинений г-на Илюхина потребовала от МВФ решительных действий. Фонд настоял на том, чтобы Центральный банк России нанял известную аудиторскую компанию PricewaterhouseCoopers для проведения всеобъемлющего расследования обстоятельств использования кредита. По итогам этого расследования PricewaterhouseCoopers представила в Фонд подробный доклад. Проверка ещё раз подтвердила поддельность всех документов, представленных г-ном Илюхиным.

Кроме уже перечисленных в докладе аудиторов отмечаются и другие несуразности. Все номера счетов, проставленные в документах, оказались фиктивными, оператор с фамилией, указанной якобы в копии платёжного поручения, никогда не работал в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, а подобные формы платёжных поручений никогда не использовались этим банком. Кстати, Федеральный резервный банк Нью-Йорка — это не частный банк, а региональное подразделение Федеральной резервной системы, центрального банка США.

Отмечу также, что от органов банковского надзора Австралии был получен ответ, что банк под названием Бэнк оф Сидней никогда не регистрировался в этой стране и вообще им неизвестен.

— На ваш взгляд, вся эта история была просто выдумана Виктором Илюхиным?

— У меня складывается впечатление, что человек, слепивший эти подделки, имел определённое представление о том, как выглядят международные платёжные поручения. Рискну предположить, что источник г-на Илюхина находился в одном из крупных российских банков. А дальше давайте рассу-

ждать вместе. Мы хорошо помним политические обстоятельства весны 1999 года. В это время политическая оппозиция всеми силами пыталась добиться отстранения президента Ельцина от власти при помощи процедуры импичмента. А кто из крупных российских банкиров активно участвовал в политических интригах того времени на стороне политической оппозиции?..

— Так что же на самом деле произошло с этим знаменитым предкризисным траншем?

— Эти сведения приводятся в том же докладе PricewaterhouseCoopers. Перевод средств на счета Центрального банка производился четырьмя платежами. Совет директоров МВФ утвердил предоставление кредита России 20 июля 1998 года. Первый перевод состоялся 22 июля — на сумму 4,304 млрд долл., второй перевод, 23 июля, — на сумму 340 млн долл., третий перевод, 24 июля, — на сумму 133 млн долл. и последний, четвёртый перевод, 28 июля, — на сумму 4 млн долл. Общая сумма составила 4 млрд 781 млн долларов.

— Почему средства переводились по частям?

— Я не уточнял это вопрос, но думаю, что это стандартная практика Фонда. Ведь капитал Фонда состоит из совокупности кредитных линий, открытых центральными банками разных стран. И каждый раз, когда Фонд предоставляет кредит той или иной стране, он должен договориться с этими центральными банками. Чтобы собрать такую сумму, большую даже для Фонда, потребовалось несколько операций.

Первоначально предполагалось, что вся сумма кредита поступит в Центральный банк и пополнит его валютные резервы. Однако в последний момент Минфин России обратился с просьбой предоставить ему 1 млрд долл. на погашение ГКО. Фонд согласился с этой просьбой. Но, хотя примерно миллиард долларов поступил в распоряжение Минфина, тем не менее валютные резервы Центрального банка увеличились на всю сумму кредита, так как Минфин сразу же продал этот миллиард долларов Центральному банку за рубли. Ведь Минфину нужны были рубли для погашения ГКО.

Как же Минфин и Центральный банк распорядились полученными деньгами? Ответить на эти вопросы очень просто. Напомню, что рынок ГКО по номиналу составлял в то время около 40 млрд долл. по тогдашнему курсу рубля. Каждую среду Минфин должен был погашать ГКО и размещать новые облигации, чтобы получить средства для погашения старых. Поэтому миллиард долларов для Минфина был каплей в море. А Центральный банк просто продал эти доллары. Кому? Всем, кто в то время хотел купить доллары. Этот вопрос тоже подробно рассматривается в докладе PricewaterhouseCoopers....

Общая сумма чистых продаж валюты за этот период, согласно докладу PricewaterhouseCoopers, составила 9,1 млрд долл. Таким образом, за этот

период Центральный банк продал долларов почти в два раза больше, чем весь кредит Фонда. PricewaterhouseCoopers даже проверяла, по какому курсу осуществлялась продажа валюты отдельным банкам: аудиторы хотели удостовериться, что Центральный банк не продавал валюту по разным курсам разным российским банкам. Всё это проверено и никаких подозрительных действий не обнаружено.

Кстати, деньги Фонда вообще не имеют целевого назначения в том смысле, что в отличие от Всемирного банка Фонд не финансирует проекты, такие как, скажем, строительство мостов или плотин. Деньги Фонда идут либо на пополнение валютных резервов Центрального банка, либо на финансирование дефицита бюджета. Эти деньги как бы растворяются, соответственно, либо в общих валютных резервах Центрального банка, либо в общих ресурсах бюджета и после этого уже не могут считаться деньгами Фонда. В этом смысле украсть деньги Фонда вообще невозможно.

Зачем Центральный банк России продавал валюту? Это была отчаянная попытка защитить курс рубля и тем самым избежать девальвации. Отмечу, что Россия стала не первой и не последней страной, которая потратила огромные средства на валютные интервенции в бесплодной попытке не допустить падения курса национальной валюты. Я сейчас точно не вспомню, сколько потратил Банк Англии осенью 1992 года, когда он пытался удержать курс английского фунта, или сколько потратил Банк Франции осенью 1993 года, когда он пытался удержать курс французского франка. В обоих случаях эти суммы исчислялись многими десятками миллиардов долларов. И в обоих случаях эти попытки оказались бесплодными, так как обе эти валюты в конце концов рухнули и выпали из европейской валютной системы. Без валютных интервенций в огромных размерах в целях защиты курса национальной валюты не обошёлся ни один из финансовых кризисов последнего десятилетия — Мексика, Таиланд, Индонезия, Корея, Турция, Бразилия, Аргентина, Уругвай...

Я вовсе не хочу сказать, что валютные интервенции всегда и везде оказывались бесплодными. Во многих случаях центральным банкам удавалось защитить свои национальные валюты. В каждом отдельном случае успех зависит от многих факторов, и заранее предвидеть, чем дело закончится, довольно трудно. Поэтому можно долго рассуждать, насколько оправданной была такая политика Центрального банка России в июле-августе 1998 года.

«Жадность пересилила страх»

— Кредит МВФ, полученный в июле 1998 года, имел своей целью помочь России избежать краха. Я хочу напомнить, что эта последняя попытка вы-

крутиться состояла из трёх элементов. Первый — это антикризисная программа российского правительства, в которой предусматривались меры по сокращению дефицита бюджета. <...> Второй элемент — это крупномасштабный пакет международной финансовой помощи на сумму 22,6 млрд долл. Только от Фонда Россия рассчитывала получить до конца 1998 года 12,5 млрд долл., не считая кредитов Всемирного банка и двусторонних кредитов. Наконец, третий элемент, о котором многие забыли, — предложенный Минфином обмен ГКО на долларовые еврооблигации.

Логика этого шага состояла в следующем. Как известно, среди инвесторов в это время наблюдалась паника, они боялись девальвации, обесценения рубля. Поэтому многие из них продавали ГКО и с вырученными рублями бежали покупать доллары, заставляя Центральный банк продавать резервы. Вот тогда Минфин и предложил им долларовую бумагу, которая защищала инвесторов от валютного риска, то есть от риска девальвации. Инвесторам как бы говорили: «Если вы боитесь и хотите уйти с рублёвого рынка, вот вам долларовая бумага — уходите». Предложили на выбор два вида этих еврооблигаций — 7-летние и 20-летние. Конечно, процентные ставки по еврооблигациям установили на уровне 13–15%, а не свыше 50%, как в то время процентные ставки по ГКО. Таким образом, инвесторам предлагалось уйти с рынка ГКО с небольшими финансовыми потерями.

Этот обмен, открытый для всех держателей ГКО, начался 14 июля и закончился 20 июля 1998 года, то есть в день заседания Совета директоров МВФ по утверждению российского кредита. Общий размер рынка ГКО в номинальном выражении составлял в то время около 40 млрд долл. по тогдашнему курсу рубля. Примерно половину рынка составляли краткосрочные, главным образом, трёхмесячные бумаги. Так вот инвесторы обменяли ГКО на еврооблигации лишь на сумму около 4,5 млрд долл., то есть немногим более 10% общего объёма рынка ГКО. Причём ушли в основном держатели длинных бумаг, в то время как держатели коротких бумаг остались на рублёвом рынке. Это говорит о том, что инвесторы тогда верили, что девальвации не будет по крайней мере 3–4 месяца. Другими словами, жадность у них тогда явно пересилила страх, они не захотели понести небольшие потери, но хотели получить 50 с лишним процентов в долларовом выражении благодаря фиксированному курсу рубля. Они сделали ставку на то, что помощь Фонда и программа российского правительства позволят продержаться по крайней мере 3–4 месяца. А уже через несколько недель эти люди потеряли всё.

Действительно, когда 20 июля Совет директоров Фонда утвердил предоставление кредита России, все вздохнули с облегчением. И хотя никто не питал никаких иллюзий, никто не считал, что все угрозы остались в прошлом, казалось, что уж по крайней мере на ближайшие несколько месяцев

крах отодвинут. Показательно, что все основные действующие лица того времени — г-да Чубайс и Дубинин с российской стороны, г-да Камдессю и Фишер со стороны Фонда — в начале августа дружно ушли в отпуск. И когда 14 августа рухнул валютный рынок, это застало всех ключевых участников в отпуске.

— Почему, на ваш взгляд, настроение инвесторов так стремительно изменилось?

— В первую очередь это произошло из-за того, что российская сторона полностью провалила антикризисную программу. Изначально предполагалось, что президент Ельцин соберёт в начале августа внеочередное заседание Государственной думы и под лозунгом «Родина в опасности!» сможет провести все необходимые законодательные меры по сокращению расходов и увеличению доходов бюджета. Как мы знаем, Дума отвергла такое предложение. На самом деле, опасение того, что программа будет сорвана, возникло в МВФ ещё до заседания Совета директоров 20 июля. Интересный факт: первый транш кредита Фонда изначально предполагался в размере не 4,8 млрд долл., а 5,6 млрд. И буквально в последние дни перед заседанием Совета директоров руководство Фонда приняло неслыханное решение по сокращению размера первого транша. Это объясняется именно тем, что российская сторона уже тогда не сумела осуществить те шаги, которые предполагалось сделать до заседания Совета директоров. В самом конце июля состоялся неожиданный приезд в Москву г-на Фишера — это была последняя попытка руководства Фонда повлиять на развитие событий. И когда инвесторы увидели, что никаких шагов по укреплению бюджета не делается, конечно, началась паника.

«Причина кризиса в безответственной бюджетной политике»

— Вы согласны с тем, что глубинной причиной кризиса стало не трагическое стечение обстоятельств в мировой экономике и на мировых финансовых рынках, а политика российских властей, в том числе и некоторые из тех шагов, которые делались по рекомендации МВФ?

— Основополагающая причина российского кризиса состоит в безответственной бюджетной политике на протяжении целого ряда лет. Интересно, что при том политическом раскладе, который существовал тогда в России, довольно трудно однозначно сказать, кто же должен нести ответственность за этот кризис. Все мы прекрасно помним бесконечное противостояние между президентом Ельциным с одной стороны и прокоммунистическим большинством в Думе — с другой. Бюджет тогда утверждался на основе закулисного политического торга и по итогам политического компромисса, не имевшего никакого отношения к экономической реальности. Так

кто же больше виноват в кризисе — правительство Черномырдина, которое построило пирамиду ГКО, или российский парламент, который год за годом утверждал один безответственный бюджет за другим и тем самым заставлял правительство строить эту пирамиду? Ведь существует только два способа финансирования дефицита бюджета: либо за счёт денежной эмиссии, что приводит к инфляции, либо за счёт заимствований, для чего и производился выпуск ГКО.

— Всё-таки правительство самостоятельно принимало решения, которые и тогда многим казались, мягко говоря, спорными.

— Конечно. Задним числом можно говорить о многих допущенных ошибках. На мой взгляд, одна такая ошибка — это решение о введении валютного коридора летом 1995 года. Сегодня такая политика, в основе которой лежит установление фиксированного или, как в нашем случае, квазификсированного валютного курса, повсеместно подвергается критике. А в условиях России с нашими бюджетными проблемами и с нашей зависимостью от мировых цен на нефть установление валютного коридора ничем хорошим закончиться просто не могло. Этот шаг лишь приводил к ощущению ложной безопасности у инвесторов, которым казалось, что, покупая ГКО, они не несли никакого валютного риска. Однако ещё большей ошибкой стало решение о допуске иностранцев на рынок ГКО. Это решение никак не усиливало желания сокращать бюджетный дефицит. Зачем его сокращать, если можно занимать почти без ограничений, если можно бесконечно жить в долг. Кстати, следует признать, что МВФ должен нести большую долю ответственности за это ошибочное решение, поскольку именно Фонд очень настоятельно советовал открыть рынок ГКО для иностранцев.

Безответственная бюджетная политика стала главной причиной нашей уязвимости перед лицом неблагоприятного развития событий в мировой экономике и на международных финансовых рынках. Под воздействием азиатского кризиса, который начался летом 1997 года, сильно изменилось настроение инвесторов в отношении всех стран с формирующимися рынками. Кроме того, рухнули цены на нефть — цена на российскую нефть опускалась ниже 10 долл. за баррель. Для России это означало резкое ухудшение платёжного баланса и сокращение поступлений валюты от экспорта. Бюджет также нёс большие потери.

— Тем большая ответственность ложилась на авторов экономической политики.

— Когда в конце октября 1997 года накатила первая волна кризиса и упали цены на рынке ГКО, первая реакция Центрального банка оказалась неверной. Какое-то время он пытался одновременно поддерживать и рынок ГКО, и курс рубля. Центральный банк покупал ГКО, тем самым поддержи-

вая рынок, а инвесторы с полученными от продажи ГКО рублями тут же бежали менять их на доллары, вынуждая Центральный банк продавать валюту. В итоге за ноябрь 1997 года уровень валютных резервов значительно сократился. В дальнейшем Центральный банк перестал поддерживать рынок ГКО, что привело к падению цен на ГКО или, что то же самое, к росту процентных ставок по ГКО. Это на какое-то время остановило отток резервов.

Понятно, что задним числом всегда легко говорить об ошибках. В той ситуации октября-ноября 1997 года многим казалось, что рынки скоро успокоятся. Ведь в течение многих месяцев до конца октября процентные ставки по ГКО устойчиво снижались. Но потом накатывали вторая, третья, четвёртая волны кризиса. Деньги Фонда расходовались на поддержку курса рубля, получались новые кредиты. Сегодня многие говорят о том, что нужно было перестать бороться с кризисом гораздо раньше. Взять и «устроить» девальвацию, скажем, зимой или весной 1998 года. И хотя экономические и политические последствия девальвации оказались бы почти такими же, по крайней мере Россия избежала бы ненужных кредитов и увеличения внешнего долга.

— В своей статье «Кризис либерализма в России» Михаил Ходорковский, обвиняя «либеральных топ-менеджеров страны» в лживости, пишет, что нужно было пойти на девальвацию, но ни в коем случае не объявлять дефолт. По его мнению, «в феврале и даже в июне 1998 г. можно было обойтись девальвацией с 5 руб. до 10–12 руб. за доллар». Вы согласны с такой оценкой?

— Думаю, что г-н Ходорковский ошибается. Ясно, что девальвация сразу же лишала Минфин возможности размещать новые ГКО. А как тогда погашать ранее выпущенные ГКО? Без объявления дефолта единственным способом погашения ГКО стала бы эмиссия. А поскольку рынок ГКО составлял около 40 млрд долл. и большую долю этого рынка составляли краткосрочные обязательства, то погашение за счёт эмиссии привело бы к очень быстрому раскручиванию инфляции и ещё более глубокому падению курса рубля. Отмечу также, что девальвация приводит к удорожанию внешнего долга. Поэтому глубокая девальвация рубля в условиях раскручивания инфляции неизбежно сопровождалась бы дефолтом по внешним, долларовым обязательствам как российского правительства, так и многих российских банков.

Что же касается внутренних, рублёвых обязательств, то и в феврале, и в мае, и в августе 1998 года правительство стояло перед одним и тем же выбором — либо объявить дефолт и «наказать» инвесторов, либо избежать дефолта за счёт эмиссии и «наказать» высокой инфляцией всё население страны. В итоге правительство сделало выбор в пользу населения.